

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

14.1

3 выпуска в год на многих языках

Социология говорит
с Чжао Тиньянем

Сари Ханафи

Федерико Нейбург
Изабель Герин
Сусана Нароцки
Еухения Мотта
Клара Эрнандес
Мариана Луцци
Кристина Сиело
Кристина Вера
Бибиана Мартинес Альварес
Флоран Бедекарратс
Флор Дазе
Мирей Разафиндракото
Франсуа Рубо
Борис Самюэль
Беатриче Ферлаино
Каролин Дюфи

Стоимость жизни

Брено Брингель
Джеффри Плейерс
Лоренс Кокс
Альберто Аррибас Лосано
Сутапа Чаттопадхьяй
Карлос И. Флорес
Лев Гринберг

Открытые движения

Теоретические
подходы

Паоло Жербаудо

Открытый раздел

- > Авторитаризм меритократии
- > Судебно-медицинский колониализм
- > Разнообразие и прозрачность
в органах ООН (и не только)

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 14 / ВЫПУСК 1 / АПРЕЛЬ 2024
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

Перед вами первый номер *Глобального Диалога* за 2024 год. Если прошлый год был экспериментальным и включал глубокое изучение наших возможностей, то сейчас мы представляем вам некоторые новшества.

Номер открывается интереснейшим интервью, которое взял бывший президент МСА Сари Ханафи с Чжао Тиньянем. В нем известный китайский интеллектуал обсуждает свои теоретические взгляды и делится интерпретациями кризиса либеральной демократии.

Следующий раздел, подготовленный Федерико Нейбургом, Изабель Герин и Сусаной Нароцки, обращается к понятию «стоимости жизни», поднимая таким образом одну из наиболее драматических проблем – рост цен на основные продукты и невыносимо высокую цену жизни для большинства людей. Мы рассматриваем категорию «стоимость жизни» как полисемическую и практическую, значение которой не сводится к численному показателю. Погружаясь в социальные реалии Латинской Америки, Африки и Европы, восемь статей разворачивают концептуальные дебаты по этому вопросу и анализируют позиции различных акторов (семьи, эксперты и политики) и проблемы, связанные с кризисом. Тематический раздел стал результатом сотрудничества между *Глобальным Диалогом* и журналом *International Sociology*. Эта инициатива получит развитие в других номерах журнала: мы намерены знакомить более широкую аудиторию с материалами последнего специального номера *International Sociology*.

Следующая рубрика представляет еще одно новое сотрудничество. Проект «открытыеДвижения», который с 2015 года базировался на ведущей медиа-платформе *Open Democracy*, стал частью *Глобального Диалога*. Его миссия – понять основные трансформации наших обществ, основанные на социальных конфликтах и общественных движениях. В сфере нашего внимания как наиболее видимые трансформации, освещаемые СМИ, так и менее очевидные, но фундаментальные для понимания культурных и социальных изменений. Эта рубрика открывает пространство для глобальной публичной соци-

ологии социальных изменений, которая развивается в рамках МСА и за ее пределами. Во вступительной статье раздела основатели этого проекта – действующий президент МСА Джеффри Плейерс и я, рассказываем о своих достижениях и намерениях, связанных с этой рубрикой. В статьях обсуждаются такие вопросы, как значимость вовлеченного исследования, место Юга в глобальном диалоге и насущная необходимость поддержки новых исследователей (Кокс, Аррибас Лосано и Чаттопадхьяй). Еще одна статья посвящена роли аудиовизуальных проектов в развитии нарратива местного сообщества и децентрализации знания (Флорес). Последняя статья обсуждает геноцид палестинского народа как конфликт в контексте, анализ которого помогает выйти за пределы упрощенного взгляда на проблему (Гринберг).

Теоретическая статья этого номера посвящена исторической трансформации государства. Паоло Жербаудо, ведущий политический интеллектуал, предлагает комплексный и неожиданный взгляд на то, что он называет «странным возвращением» интервенционистского государства, анализируя противоречия и тренды этого процесса. И наконец, Открытый раздел включает три статьи, посвященные авторитарному измерению меритократии (Масиэль), низкой степени разнообразия в международных организациях (Гонзалес) и тому мало изученному типу колониализма, который Марк Мунстерхельм называет «судебно-медицинским». Этот тип колониализма поддерживается крупнейшими учеными США, Европы и Китая, которые используют представителей коренных народов в качестве ресурсов и целевых групп новых технологий определения происхождения и анализа фенотипов.

Надеюсь, что эти публикации будут вам интересны! Я хотел бы напомнить, что мы ждем ваших статей. Следите за нашими публикациями в социальных медиа - @isagdmag и содействуйте распространению *Глобального Диалога* на вашем родном языке. ■

Брено Брингель, редактор *Глобального Диалога*

Перевод Елены Здравомысловой

> *Глобальный Диалог* публикуется на многих языках на своем [сайте](#).

> Статьи присылайте на адрес: globaldialogue@isa-sociology.org.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакционный совет

- Редактор:** Брено Брингель.
- Помощники редактора:** Витория Гонзалес, Каролина Вестена.
- Ассоциированный редактор:** Кристофер Эванс.
- Управляющие редакторы:** Лола Бусуттил, Август Бага.
- Консультанты:** Майкл Буравой, Бригитт Ауленбахер, Клаус Дёрре.
- Региональные редакторы**
- Арабский мир:** (Ливан) Сари Ханафи, (Тунис) Фатима Радуани, Сафуан Трабелси.
- Аргентина:** Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Марчиссио.
- Бангладеш:** Хабибуль Хондкер, Хайруль Чоудхури, Биджой Кришна Баник, Абдур Рашид, Саркер Сохель Рана, Мд. Шахидуль Ислам, Хелаль Уддин, Ясмин Султана, Салех Аль Мамун, Экрамул Кабир Рана, Фархин Актер Бхуян, Хадиза Хатун, Айша Сиддик Хумайра, Арифур Рахаман, Истиак Нур Мухит, Мд. Шахин Актар, Сурайя Ахтер, Аламгир Кабир, Таслима Насрин.
- Бразилия:** Фабрисо Масизель, Андреса Галли, Жозе Гирадо Нето, Жессика Маззини Мендес, Рикардо Нобрега.
- Индия:** Рашми Джайн, Маниш Ядав.
- Иран:** Рейханех Джавади, Ниаеш Долати, Эльхам Шуштаризаде.
- Польша:** Александра Бьернацка, Анна Тернер, Джоанна Беднарек, Уршула Ярецка.
- Румыния:** Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Джордже Бонеа, Марина Дафта, Костин-Лучиан Георге, Алин Ионеску, Диана Мога, Рамона-Кэтэлина Нэстасе, Бьянка Пинцоу-Михэилэ.
- Россия:** Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.
- Тайвань:** Ван-Жу Ли, Тао-Юнг Лу, Йи-Шуо Хуанг, Чиен-Инг Чиен, Марк И-Вэй Лай, Юн-Жоу Лин, Юн-Хсуан Чоу.
- Турция:** Гюль Чорбаджиоглу, Ирмак Эврен.
- Франция/Испания:** Лола Бусуттил.

Чжао Тиньянь говорит с Сари Ханафи о системе Тянься, своем альтернативном понятии политического.

“Стоимость жизни”, полисемическая практическая категория, которую используют как специалисты, так и обычные люди в повседневной жизни, описывает разные реальности по всему миру.

Новая тематическая секция **открытыеДвижения** открывает пространство для анализа общественных движений и их проблем в разных странах.

Иллюстрация обложки: Wirestock, Freepik.

Глобальный Диалог выходит благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В этом номере

От редакции 2

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

Система Тянься и умная демократия:
интервью с Чжао Тиньянем
Сари Ханафи, Ливан 5

> СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ

Стоимость жизни: экспертные понятия
и повседневные усилия
Федерико Нейбург, Бразилия, Изабель Герин, Франция
и Сусана Нароцки, Испания 10

Рассогласования: домашний бюджет и опыт инфляции
Эухения Мотта и Федерико Нейбург, Бразилия 12

Как справляются с инфляцией в современной Аргентине
Мария Клара Эрнандес и Мариана Луцци, Аргентина 14

Роль юки в питании прекаризованных групп в Эквадоре
Кристина Сиело и Кристина Вера, Эквадор 16

Моральные дилеммы в обеспечении питанием
Сусана Нароцки и Бибиана Мартинес Альварес,
Испания 18

Анализ стоимости жизни на Мадагаскаре
Флоран Бедекарратс. Флор Дазе. Изабель Герин,
Мирей Разафиндракото и Франсуа Рубо, Франция 20

Власть ценовых субсидий в Марокко
Борис Самюэль и Беатриче Ферлаино, Италия 22

Продовольственная безопасность во время войны:
случай России 24
Каролин Дюфи, Франция

> ОТКРЫТЫЕ ДВИЖЕНИЯ

«открытыеДвижения»: платформа публичной
и глобальной социологии
Брено Брингель, Бразилия/Испания и Джеффри
Плейерс, Бельгия 26

Как мы исследуем и интерпретируем народную борьбу?
Лоренс Кокс, Ирландия, Альберто Аррибас Лосано,
Испания и Сутапа Чаттопадхияй, Канада 29

Видео-практики майя и децентрализация знания
Карлос И. Флорес, Мексика 31

Анализ контекста кровавой эскалации
израильско-палестинского конфликта
Лев Гринберг, Израиль 33

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Странное возвращение государственного вмешательства
Паоло Жербаудо, Испания 36

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Авторитаризм меритократии
Фабрисо Масиэль, Бразилия 39

Судебно-медицинский колониализм
Марк Мунстерхельм, Канада 41

Разнообразие и прозрачность в работе структур
ООН (и не только)
Витория Гонзалес, Бразилия 43

“Альтернативы все еще существуют, но часто они остаются невидимыми, особенно в отсутствие публичных протестов”

Брено Брингель и Джеффри Плейерс

> Система Тянься и умная демократия: интервью с Чжао Тиньянем

Фото из личного архива Чжао Тиньяня.

Чжао Тиньянь, выдающийся китайский философ и публичный интеллектуал, выпускник Университета Ренмин и Китайской Академии Социальных Наук (КАСН), академик и заслуженный профессор Института философии КАСН, занимал должности в других китайских и зарубежных учреждениях, включая Чжэцзянский Нормальный Университет, Институт Бергрюена и Международный институт ТРАНСКУЛЬТУРА. Среди его многочисленных публикаций на китайском, английском и других языках – книга *All under Heaven: The Tianxia System for a Possible World Order* (Все под небесами: Система Тянься для возможного мирового порядка) (2021, University of California Press) и изданная в со-редакторстве книга *Transcultural Dictionary of Misunderstandings: European and Chinese Horizons* (Транскультурный словарь недопониманий: европейский и китайский горизонты) (2022, Cent mille milliards). В августе 2023 года с ним беседовал **Сари Ханафи**, профессор социологии Американского университета в Бейруте (Ливан) и бывший президент Международной Социологической Ассоциации.

Сари Ханафи (СХ): Проф. Чжао, я имел удовольствие прочесть Вашу последнюю книгу «Все под небесами: Система Тянься для возможного мирового порядка», в которой Вы критикуете современное умножение политических конфликтов в мировом мире и текущую этатистскую логику национального государства в системе международных отношений. Вы предлагаете вместо этого идею Тянься; это китайское слово переводится словосочетанием «все под небесами» и подразумевает взаимозависимость и примат мирового уровня над национальными государствами. Как бы Вы резюмировали Тянься в нескольких словах?

Чжао Тиньянь (ЧТ): Позвольте уточнить, что в моем воображении, мировая система Тянься предполагает более совершенный мир, построенный на «совместимости», чаще переводимой как «гармония». Я думаю, что совместимость – более подходящий перевод термина Тянься, в том же смысле, в котором Лейбниц объясняет «лучший из возможных миров», созданных Богом, с помощью

идеи «взаимосовместимости» самого богатого собрания существ. Интересно, что лейбницевская онтология очень близка онтологии И-Чинь, китайской библии, которая настаивает на «совместимости» всех существ. Концептуальная система Тянься («все под небесами») должна предусматривать всеобъемлющий мир без исключения, где существует «гармония» всех народов и признается «совместимость» всех цивилизаций. Остается открытым вопрос, почему Китай начал свою политику с концепции мира как системы Тянься, тогда как в Греции было государство-полис: две самых значимых точки отсчета в мире политики.

Тянься – это не только мировая система; этот концепт предполагает альтернативное понятие политического, которое предстает не как признание врага (Карл Шмитт), классовая борьба (Маркс), борьба за власть (Моргентау) или столкновение цивилизаций (Хантингтон), а как методология искусства превращения враждебности в гостеприимство. Причина проста: если политика не может

остановить или хотя бы снизить враждебность, то это уже не политика, а разновидность войны. В отличие от мнения Карла фон Клаузевица, война скорее демонстрирует поражение политики, нежели является ее продолжением. Если мы хотим войны, то зачем нам политика?

Более разумная и практическая по сравнению с традиционной версией обновленная мною концепция Тянься предполагает три конституирующих понятия: (1) *интернационализация мира*, общая универсальная система, включающая все нации, без исключения негативных внешних частей; (2) *реляционная рациональность*, которая подчеркивает приоритет взаимной минимизации агрессии над максимизацией частных интересов; и (3) *конфуцианский инклюзивный принцип совершенствования*, согласно которому «совершенствование каждого возможно лишь в условиях совершенствования всех». Этот принцип имеет преимущество перед индивидуалистическим принципом совершенствования Парето. Я надеюсь, что новая версия системы Тянься решит такие глобальные проблемы, как технологические риски, глобальные финансовые проблемы, изменение климата, пандемии и столкновения цивилизаций.

В соответствии с системой Тянься, глобальная этика должна быть основана на улучшенном «Золотом правиле», которое более когерентно, чем христианство или конфуцианство. Традиционное Золотое правило гласит: «Никогда не делай другим того, что не пожелал бы, чтобы другие сделали с тобой». Оно почти идеально, кроме его односторонней субъективности, которая проблематично предполагает, что «Я» имеет одностороннюю власть принимать решения об универсальных концептах того, что хорошо или правильно. Я бы переписал Золотое правило так: «Никогда не делай другим того, что другие не хотят, чтобы ты с ними сделал». Меняя субъективность на транс-субъективность, это новое правило становится строго взаимным и симметричным, то есть, действительно универсальным.

Новая система Тянься также должна реализовываться в эпистемологической сфере. Она развивает концепцию новой энциклопедии, вдохновленной французским проектом энциклопедии 18 века, которая сегодня может реализоваться с помощью интернета и ИИ. Такой проект опирается на идею знания, а не книги как физического объекта; он предполагает включение знаний всех цивилизаций с одинаковым уважением и взаимным признанием. Новая энциклопедия будет развиваться на основе изучения универсальных проблем, с которыми сталкиваются все люди, или эмерджентных феноменов взаимодействия, на основе методологии холизма или комплексности, вместо традиционной таксономии дисциплин и редукционистского видения знания, а также односторонней повестки Западного знания. Такой проект создаст «метаверсную библиотеку» для всех людей.

СХ: Как Вы оцениваете сегодняшний Китай в плане парадигмы Тянься? В одном из Ваших интервью, Вы сказали, что в Китае коммунизм победил и исключил своих Западных конкурентов, но одновременно обесценил китайскую культуру. Существование Китая бо-

лее значимо, чем его идентичность. Иными словами, факт бытия важнее, чем то, как что-то выглядит. Не могли бы Вы развить эту идею конкретными примерами?

ЧТ: Тянься – это концепция мирового масштаба. Она ожидает возможного будущего, которое наступит в свое время. Интересно, что она была использована, чтобы рассматривать Китай как «государство-лекало мира», которое, однако, меньше, чем весь мир, и поэтому далеко от своего высшего концептуального потенциала. Так что я не уверен, что Китай может рассматриваться в парадигме Тянься. Тем не менее, он может рассматриваться как пример. Принцип «Китай-как-лекало-мира» важен для изобретения режима, руководствующегося принципом «Одна страна – множество систем», который был сформулирован еще во время правления династии Хань (202 до н.э. – 220 до н.э.), следуя принципу приоритета совместимости или гармонии, успешно сокращая число конфликтов между различными культурами или религиями. Это часть живого наследия современного Китая.

Ни для кого не секрет, что современный Китай обесценивает традиционные аспекты китайского наследия, провозглашая ориентацию на модернизацию. Модернизация считается вопросом выживания нации, которая находится под давлением остального мира. Китайское мышление всегда следует принципу «переживем все изменения». Этот принцип не является вопросом веры или этической ценностью; однако он определяет «онтологическую» методологию существования. Конечно, Китай старается поддерживать те культурные и традиционные идентичности, которые менее влиятельны, чем принцип выживания в критические моменты бытия, или китайский *kairos* стремления к совершенству. Китай, скорее, «делается», чем просто существует, и его методология не исчерпывается принципом переживания всех перемен. Китай любит импровизировать, потому что признает *И-Чинь*, Книгу перемен, как методологическую «библию» своих первых времен. Здесь речь идет о методологии поиска оптимального шанса на выживание, существование, самосохранение и, если возможно, рост могущества. Конфуцианство, часть стереотипного образа Китая, гораздо менее устойчиво, чем принято думать. Оно пережило свои взлеты и падения и зависит от исторического момента. Я не уверен, что могу назвать сегодняшний Китай конфуцианским обществом. Но я уверен, что китайская методология «бытия с изменениями» остается сильной и проживет дольше, чем любая специфическая ценность, доктрина или «изм».

Например, эта идея может объяснить запутанную картину «китайских религий». Из монотеистической перспективы Китай воспринимается как страна без религии. С точки зрения антропологической перспективы, Китай предстает как место всевозможных верований или даже своего рода пространство пантеизма или политеизма. В особенности в традиционных сообществах в большинстве зон (кроме мусульманской), люди не враждебны к религиям других. Наоборот, большинство людей скорее примут рассказы о других богах так же, как и о своих собственных, и даже поверят в них или, по крайней мере, отнесутся к ним с уважением. Многие люди молятся

Фото из личного архива Чжао Тиньяня.

множеству божеств, обычно буддизма, таоизма, христианства, а также местным богам. Для интеллектуалов, которые не принимают религию всерьез, существует целое разнообразие «измов», правых и левых, прогрессивных и консервативных. Я не наблюдаю много веры или приверженности в их выборе; большинство скорее выберет то, что лучше работает.

СХ: Вы очень детально диагностировали кризис либерально-демократической системы и то, как мощные силы, контролирующие капитал и медиа, подрывают демократию. Получается что-то вроде троянского коня, который разрушает демократию так, что угроза демократии приходит изнутри ее самой. Расскажите об этом чуть подробнее.

ЧТ: Слабость демократии в ее противоречивой концептуализации: она никогда не определяется однозначно и поэтому открыта для интерпретаций. Эта расплывчатость формулировки позволяет чему угодно притворяться демократией и оправдывать себя в качестве таковой. Так производятся многие демократические «троянские кони». Хуже всего то, что их трудно отличить от реальной демократии из-за сходства формальных признаков и практик. Я не уверен, что существует настоящая демократия, потому что мы еще не видели идеальный концепт или *eidos* демократии, хотя мы знаем, что у демократии есть свое специфическое происхождение и генетика. Самое худшее заключается в том, что псевдodemократия является близнецом демократии, у нее те же гены. Агора, где развивалась демократия, была также и рынком. Рынок мнений близок к рынку товаров. Если больше людей выбирают яблоки, то, очевидно, яблоки более предпочтительны.

Точно также, если больше избирателей поддерживают Трампа, то Трамп кажется оправданным выбором. Многие этого не признают, но их позиция кажется странной, т.к. она не опирается на демократические принципы. Рынок и демократия подчиняются одним и тем же базовым правилам. К сожалению, принцип большинства не всегда приводит к справедливости или благу. И к еще большему сожалению, политические, финансовые и медийные силы обладают множеством способов манипулировать народными предпочтениями. Эти силы не глупы, они осведомлены о самых лучших стратегиях. В современных условиях власти закона и власти рынка интенсивно развивают стратегии формирования общественного мнения, продавая иллюзии и формируя общественное сознание. Так что мы скорее наблюдаем «публикратию», а не демократию, публикратию под видом демократии, или искаженную демократию поверх публикратии. Это и есть тот «троянский конь», который подрывает демократию.

Неудивительно, что демократия не может защитить себя от публикратии, потому что демократия не смогла обнаружить этого троянского коня: демократия и публикратия слишком похожи. Проблема в том, что существующая демократия не слишком хитроумна, тогда как силы, которые стоят за публикратией, намного изобретательней. Демократия – это практический способ принимать общественные решения; у нее нет собственного сознания, поэтому она не может защитить себя от внешних сил. Главное, демократия не определяет, что является благом и не дает определения хорошего и дурного. Она никогда себя не оправдывает. Демократия продолжает существовать, потому что не нашлось лучшей альтернативы. Другими словами, демократия – это способ принятия

>>

решений о распределении прав и власти, но не определение блага, правды или справедливости. Поэтому, демократии нужно собственное сознание.

СХ: Видите ли Вы какую-нибудь альтернативу?

ЧТ: Я делаю ставку на «умную демократию». На демократию, основанную на знании и надеюсь, что она станет столь же хитроумной, как и силы, которые пытаются ее контролировать, или хотя бы лучше, чем агрегация обманного общественного мнения.

Позвольте мне объяснить. Умная демократия состоит из системы двух голосов и двухуровневых выборов. Два голоса — значит «один человек, два голоса», «за» и «против», для любых выборов, которые представляют симпатии и антипатии этого избирателя. Эта антипатия — это необходимая переменная, она даже важнее симпатии. «Два голоса» создают полную репрезентацию мнения отдельного человека, лучше, чем доминирующая система «один человек, один голос». Базовые правила для системы двух голосов следующие: (1) правило чистых «за». Они рассчитываются как количество «за» минус количество «против». Предположим, что Ф получил 51% голосов «за» и 31% «против», тогда $51\% - 31\% = 20\%$ чистых «за». Б получил 41% голосов «за» и 11% «против», тогда $41\% - 11\% = 30\%$ чистых «за». Б должен считаться победителем. (2) Правило условного большинства. Если А и Б совпадают по количеству чистых «за», выигрывает тот, у кого больше «за».

Двухуровневые выборы предполагают два шага голосования. Сначала все голосуют за то, что они хотят. Затем комитет ученых отдает свои, основанные на знании взвешенные голоса, чтобы одобрить или не одобрить выбор людей. Так, двухуровневое голосование определяет две разные силы: люди выбирают, чего они хотят, а ученый комитет выбирает, что выполнимо. Организованная таким образом демократия может быть институционально умной, свободной от иррациональных решений. Иными словами, это будет демократия, основанная на знании. Мои усилия сейчас ограничиваются только улучшением системы голосования. Умная демократия, конечно, нуждается в доработке и в более умных концепциях. Это задача на будущее.

СХ: Вы призываете к «демократии, основанной на знании», но кто будет номинировать экспертов в этот комитет или комитеты? Вы говорите, что «эксперты» будут единственными, кто предоставит научные решения, но эксперты часто расходятся по политическим предпочтениям.

ЧТ: Номинация — это всегда проблема. Я боюсь, здесь не существует идеального решения. Политика, основанная на партиях, обязательно будет предвзятой. Практически возможный способ может быть не самым лучшим, но идеала не существует, так что нам придется смириться с реальностью. Поэтому мне нужно ограничить свое воображение приемлемыми улучшениями, а не радикальной реформацией демократии. Вы спрашиваете, как мы будем номинировать экспертов для научных комитетов

умной демократии? Моя идея подразумевает традиционную «репутацию» и отсылает к широко признанным кандидатам. Чья-то репутация — это очевидный социальный факт. Например, ведущие ученые, которые выиграли значимые премии и поэтому предположительно больше знают о рисках того, что люди хотят сделать. Конечно, репутация может быть несправедливой, но знание точно лучше незнания. Эксперты будут иметь свои политические предпочтения, и лучшее, чего мы могли бы ожидать от них — это честность. Они всегда должны отсекают тайные финансовые связи.

Моя теория умной демократии, как Вы видите, это скромная модель со смешанными «политическими геннами»: около 50% от современной демократии, 30% от системы оптимальных решений по общественным вопросам Чи-Цзу и 20% от платоновского «короля-философа». Я стараюсь балансировать мудрейшие традиции государственного управления. Речь идет о том, что более реально, а не о том, что идеально.

СХ: При чтении Ваших работ создается впечатление, что Ваша мрачная критика демократической системы не может объяснить существование общественных движений. Демократическая система не закрыта, даже при наличии «троянского коня» она способна производить (экологические, социо-экономические и политические) альтернативы.

ЧТ: Я полностью согласен, что демократия — это не закрытый концепт. Альтернативы институциональной демократии, общественные движения, могут рассматриваться как спонтанная демократия, пусть и поддерживаемая и направляемая некоторыми организациями. Это не «троянские кони»; я их уважаю. Я думаю, Вы бы сказали, что общественные движения — это лучшая сторона демократии. Разумеется, они ближе к прямой демократии. Однако практическая проблема, с моей точки зрения, заключается в том, что следование за общественными движениями также может быть продиктовано неразумной страстью, и требования большего, чем могут позволить государство или мир, могут носить разрушительный, а не созидательный характер. Это напоминает мне старую поговорку: «Домохозяйка знает, как вести семейный бюджет». Я бы настаивал на демократии, основанной на рациональном знании, и институционально организованной так, чтобы становиться умнее. «Хладнокровная демократия» более осторожна и надежна, чем ее более страстный вариант. Мой вопрос к Вам такой: Если мы хотим изменений в нашем обществе, как мы узнаем, какие изменения лучше?

В большинстве случаев, демократия может быть слепа к тому, что является благом. Забавно, что наши философы все еще не имеют четкого понимания того, что такое «благо». Демократия сама-по-себе сегодня не является ценностью. Ее задача, скорее, стать таковой.

СХ: Вы ставите под сомнение демократию как ценность. Однако ценность определяется характеристикой демократии. Поэтому мы говорим о либеральной демократии. Я вырос в Сирии, где правящая партия

Баас использовала прилагательное «народная» для характеристики демократии. Когда демократия ассоциируется с либерализмом, это предполагает реализацию принципов свободы религии, слова, прессы, собраний, организации политических партий и принятие Всеобщей Декларации Прав Человека в абстрактном (не конкретном) смысле. Стоит ли нам критиковать эти ценности? В «народной» демократии в Сирии практически не было свободы самовыражения или возможности создать ассоциацию или политическую партию, если ты не принимаешь идеологию правящей элиты. Кроме того, система выборов в парламент была комплексной, с особыми местами, зарезервированными для рабочего класса и крестьян, что, на мой взгляд, очень хорошо, даже если эти две категории граждан не имеют свободы самоорганизации. Таким образом, слово «народная» насыщено антилиберальными ценностями, но стремится к некоторому варианту социальной справедливости. Поэтому мы не можем обсуждать демократию без прилагательного, которое ее характеризует. Вы используете прилагательное «умная», чтобы увести демократию от текущей формы, основанной на мнении, к форме, основанной на знании. Возникает вопрос, как умная демократия соотносится с другими двумя традициями (народной и либеральной)?

ЧТ: Спасибо за ваши очень конкретные вопросы. Они бьют прямо в цель. Прежде чем обсуждать, насколько умной может быть демократия, я бы уточнил, что не бывает чистой демократии, и именно это делает настоящую демократию проблематичным концептом. Вы правы: любая демократия соотносится с какими-то ценностями, когда определяется с помощью конкретного прилагательного. Это указывает на то, что демократия сама-по-себе, само понятие, не более, чем инструмент или процедура и что мы не согласимся на демократию, приверженную чуждым нам ценностям. Получается, прилагательные более значимы, чем демократия, потому что они раскрывают глубинные проблемы и конфликты. Помпезный голос демократии может скрывать преследование весьма специфичных целей, интересов и власти.

Ваше понимание характеристики демократии проясняет вопрос; оно напоминает мне о критической проблеме ранжирования ценностей. У каждого есть своя система ранжирования ценностей. Ранжирование ценностей предполагает дискриминацию и, следовательно, влечет за собой повсеместные конфликты. Дискриминация – это пугающее слово, но дело в том, что фактически дискриминация является повсеместной, хотя большинство людей проголосовало бы против любой дискриминации. Прилагательное или характеристика демократии, либеральная или народная, индивидуальная свобода или социальная справедливость, вряд ли снизит остроту конфликтов или разногласий; оно даже может усилить социальную энтропию или социальную фрагментацию. Так что я бы рассчитывал на что-то кроме заявленных ценностей, какими бы привлекательными они ни были. Я бы

вместо этого занялся развитием «настроек интеллекта» в операционной системе демократии, надеясь на то, что демократия, укорененная в интеллекте – то, что я называю «умной демократией» – создаст правила, позволяющие знанию обладать властью окончательного решения. В визионерском смысле, супер-ИИ, работая как приложение к человеческому разуму или даже вместе с человеческим разумом может помочь в будущем в создании ИИ-человеческой транссубъективности, которая станет, надеюсь, более разумной и менее идеологической. Демократия должна принимать общественные решения на благо всему обществу, а не в угоду соревнующимся политическим силам.

СХ: Последний вопрос, который может очень заинтересовать наших читателей. Недавно Вы выступили соредактором Евро-Китайского словаря культурных недопониманий [Euro-Chinese Dictionary of Cultural Misunderstandings], составленного вместе с европейскими учеными. Это отличная идея, потому что вы находитесь вне постколониальной парадигмы, которая вынуждает учитывать разные (южные) эпистемы, но работать с европейскими коллегами, чтобы преодолеть непонимание. Это напоминает мне китайско-французские исследовательские команды, которые работают вместе и призывают к пост-Западному подходу.

ЧТ: Нам нужно разработать новую и лучшую эпистему, а не предаваться антагонистическому соревнованию традиционных. Я не считаю постколониальный подход выходом из ситуации познавательного колониализма, в частности, ориентализма. Наше сознание будет ограничено, загнано в тупик и обмануто колониальными понятиями и паттернами, если мы попытаемся в постколониальном духе отвергать или стирать уже сформировавшуюся ориенталистскую картинку. Я хочу сказать, что, когда я высказываюсь против колониализма, архитектура моего сознания конструируется колониальными понятиями, колониальными дискурсами, и мои слова не выражают моих собственных мыслей. Иными словами, если я говорю «я не таков, как ты думаешь», широта моего взгляда невольно оказывается ограничена колониалистскими или ориенталистскими горизонтами, и я теряю свободу сознания. Противостояние эпистем – это скучно; оно приводит к негативным последствиям. Я бы начал заново с первичных проблем всего человечества, где мы можем делиться понятиями, сравнивать аргументы или интересные взаимные недопонимания. Всем это пошло бы на пользу. Я называю это «транскультурной мультипликацией» – это первичная метафора, пока я не придумал что-то получше.

Не понимать других естественно для кого угодно. Другое сознание всегда имеет причину нас не понять. Мы можем сократить взаимные недопонимания, объяснив базовые понятия и проверив логичность предпосылок наших и чужих концепций. ■

Перевод Дарьи Холодовой

> СТОИМОСТЬ ЖИЗНИ: экспертные понятия и повседневные усилия

Федерико Нейбург, Федеральный университет Рио-де-Жанейро (Бразилия), **Изабель Герин**, Институт исследований в сфере развития (Франция), и **Сусана Нарочки**, Университет Барселоны (Испания)

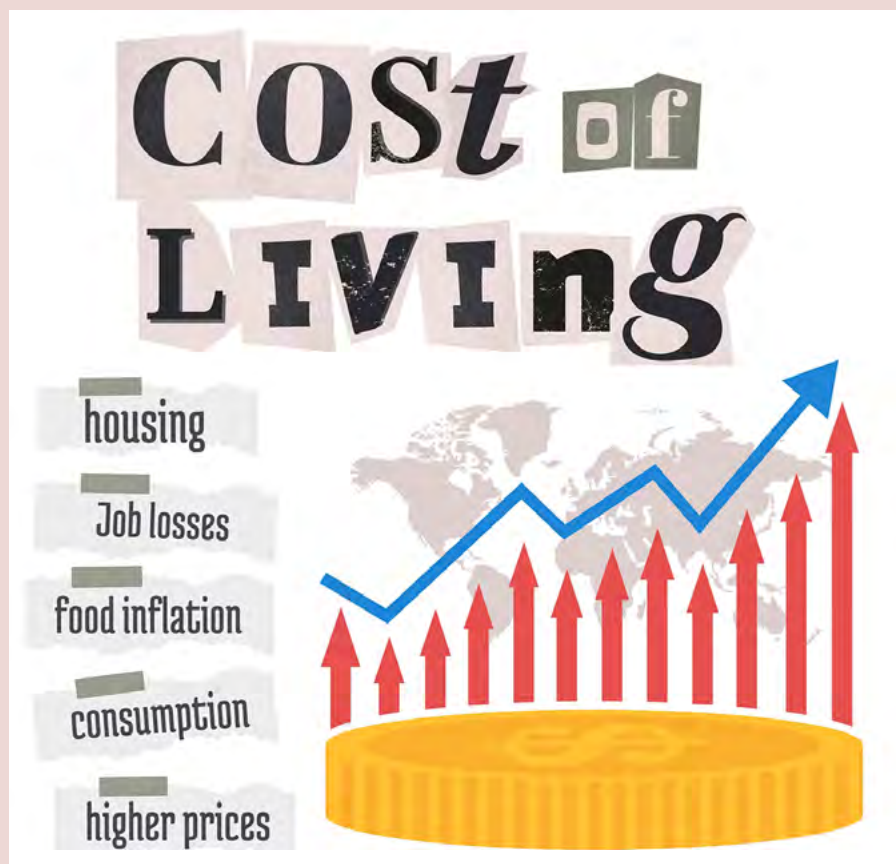

Рис.: Витория Гонзалес, 2024.

Эта тематическая секция – результат партнерства между Глобальным Диалогом и журналом *International Sociology* (Международная Социология). Наша цель – сделать доступными для широкой аудитории основные результаты [специального выпуска](#) *International Sociology*. В этой статье мы представляем понятие стоимости жизни, которое одновременно является категорией, произведенной и используемой специалистами и общепотребительным разговорным термином, который используется для обозначения множества усилий и событий в кризисные времена. Мы предлагаем многоуровневый, исторический и сравнительно ориентированный подход, который делает возможным наблюдение и анализ дилемм, производимых множественными кризисами современности. Они включают в себя совмещенные эффекты повышения цен на базо-

вые продукты (еда и энергия), прекаризации рынка труда и ускоренного падения зарплат после пандемии COVID-19 на глобальном уровне. Эти множественные измерения кризисов повлияли на то, как индивиды и семьи пытаются прожить жизнь достойным образом. Мы также привлекаем внимание к моральным и политическим измерениям растущей стоимости жизни, а также к конфликтам и трудностям мира экспертов, различных сегментов публичного пространства и в повседневной жизни людей.

> Контекст

Комбинация эффектов пандемии COVID-19, климатического кризиса и войны в Восточной Европе поставили растущую стоимость жизни, инфляцию и голод в центр

>>

общественных дебатов и повседневной жизни людей. Многим приходится сталкиваться с сокращением покупательной способности денег и дефицитом воды, продуктов питания и топлива, вызванными разрывами цепочек поставок. Беспрецедентный цикл роста цен разворачивается в планетарном масштабе. Он затрагивает как самых бедных, так и так называемый средний класс, не только в странах Глобального Юга, но и в богатых странах Европы и Северной Америки. Индекс цен на продукты питания Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединённых Наций (ФАО) в марте 2022 достиг высшей точки за 60 лет, а историческая статистика МВФ показала самое большое повышение цен на еду и топливо за 100 лет. Растущие цены на базовые потребительские товары – это ключевое измерение современных поликризисов, наряду с отсутствием или прекарностью работы, уменьшающейся реальной ценностью зарплат, массовыми миграциями и чрезвычайным положением в экологии.

> Понятие

«Стоимость жизни» – это многозначная практическая категория. Именно эту многозначность мы и пытаемся здесь охватить. Понятие «стоимости жизни» появилось на рубеже 19 и 20 веков, вместе с современной экономической наукой, как способ измерять человеческие жизни с помощью чисел и количества денег. Минимум, необходимый для производства жизни, имеет цену (например, монетарная цена базовой корзины товаров). Вариации цен представлены в процентах, относящихся к единицам времени: неделям, месяцам и годам. Так, в мире специалистов понятие стоимости жизни изначально связано с двумя ключевыми аспектами: во-первых, с пониманием инфляции как социального факта и объекта управления; во-вторых, с понятием базовых потребностей. Сфера производства инфляции и стоимости жизни – это арена противостояния, на которой участвуют правительственные агентства, корпоративные институты, профсоюзы, международные и гуманитарные организации, создавая конфигурации национальных и международных дискуссий и политических схваток.

Однако в то же время понятие стоимости жизни используется вне мира экономической экспертизы и тех, кто вовлечен в экономическую жизнь правительства. Стоимость жизни — это практическая категория, которая выходит за рамки числового показателя: она используется в обычной жизни отдельных людей, домохозяйств и семей. Она относится к множеству затрат и усилий, которые придают значение действиям, стратегиям, повседневным радостям и фрустрациям, а также общественным движениям и актам неповиновения, в знак протеста против инфляции и слишком дорогой жизни.

> Заполняя пробел

Универсумы экономической науки и гуманитарной помощи производят понятия роста стоимости жизни и голода. Для общественных наук, однако, эти феномены остаются маргинальными объектами, которые, с некоторыми исключениями, не считаются актуальными. Цель этой тематической секции и специального выпуска *International Sociology* в том, чтобы заполнить существующий пробел. Чтобы этого достичь, мы предлагаем одновременно мультидисциплинарный и многомерный подход. Статьи в этом разделе путешествуют сквозь разные тематические и дисциплинарные традиции: политическая социология и экономика рынков, цен и цифр; экономическая и феминистская социология, антропология повседневности и их аффективное, интимное и сенсорное измерения; и политическая экология питания и жизнеобеспечения. В то же время, собранные здесь статьи демонстрируют переплетения между международными геополитическими проблемами, огромным влиянием гуманитарных организаций и помощи в определении индикаторов стоимости жизни в локальных контекстах, национальными модусами управления и их колониальными историями, а также интимностью и чувственной стороной стоимости жизни в повседневной жизни обществ и семей.

Понятия, используемые в публичных дебатах, экспертном знании и в повседневных практиках, могут противоречить друг другу, но они также пересекаются и взаимно конструируются. Социология и антропология могут проявить это со-конструирование, насыщенное напряжением, конфликтами и круговоротами. Сравнительная и историческая перспективы также проливают свет на неравное распределение стоимости жизни, на то, как это неравенство меняется с течением времени, как законодатели, эксперты и семьи справляются с кризисом, мобилизуя или игнорируя социальные диспозиции, сформировавшиеся во времена других кризисов.

Мы заостряем внимание на этих процессах, опираясь на сравнительный подход в двойном смысле. С одной стороны, мы принимаем во внимание прошлые и настоящие ситуации на Глобальном Севере и Глобальном Юге. С другой стороны, мы соотносим макропроцессы на национальном и международном уровнях с микроизмерениями повседневного поиска достойной жизни в условиях инфляции и голода. Эти переплетения масштабов и процессов вновь оживляют вопросы властных отношений, моральных дебатов о том, что легитимно, приемлемо или нормально, а что нет и для кого, а также споры о том, как понимается достойная жизнь в зависимости от национального контекста и истории, гендерных отношений, а также расовых и классовых различий. ■

Адрес для связи: <federico.neiburg@gmail.com>
Перевод Дарьи Холодовой

> Рассогласования: домашний бюджет и опыт инфляции

Эухения Мотта и Федерико Нейбург, Федеральный университет Рио-де-Жанейро (Бразилия)

Комплекс Маре.
Рис.: Brasil de Fato, 2020.

В этой статье мы анализируем, как жители фавелы Комплекс Маре (*Complexo da Maré*) в городе Рио-де-Жанейро, переживали скачки цен, особенно на еду и топливо, в течение 2021 и 2022 годов, в контексте продолжающейся пандемии COVID-19. Мы используем понятие *согласования* (и его производные, такие как *рассогласование* и *пересогласование*), чтобы проанализировать разные способы совладания с ростом стоимости жизни с помощью организации материальных изменений и планов на будущее в разных масштабах: от идеалов хорошей и желанной жизни до сиюминутных решений. Мы называем *работой по согласованию* ежедневные действия, с помощью которых люди и семьи справлялись с нестабильностью доходов, вариаций в потоках денег, как они управляли фрустрациями, вызванными ограничениями, наложенными инфляцией, и поддерживали значимые связи, подвергшиеся риску из-за кризиса. Эти действия включали, например, постоянный мониторинг изменения цен, выбор альтернативного способа перемещения в городском пространстве, (пере)классификацию затрат и изменение способа покупать и продавать продукты. Таким образом, *работа по согласованию* – это комбинация различных способов представления, расчета, прое-

цирования и совместной жизни, выраженная в оценках того, что, как, где и почему нужно покупать, и продавать.

> Чрезвычайные события и обычная жизнь

Пандемия COVID-19 вместе с соответствующим сокращением экономики и ростом цен на базовые продукты переживались людьми по-разному, демонстрируя разные способы совладания с чрезвычайными событиями. Для некоторых из тех людей, с которыми мы говорили, этот период не сильно отличался от их постоянной рутинной нестабильности, бедности и борьбы за выживание. Во время пандемии они активизировали стратегии, которыми несколько поколений пользовались в течение всей своей жизни. Для других, инфляция и потеря дохода вместе с другими событиями, такими как болезнь или смерть в семье, усилили чувство чрезвычайности. Для третьих, пандемия и последующий рост цен открыли новые возможности. В Комплексе Маре, где первые три статьи семейного бюджета – это еда, долги и жилищные сервисы, эти вариации в организации жизни находятся в центре дифференцирующего процесса производства неравенства, связанного с инфляцией и ростом цен на продукты питания.

>>

В том, что касается мобильности (которая была ограничена мерами безопасности против вируса) и нестабильности источников дохода, повседневная жизнь тех, кого мы интервьюировали, формируется темпоральностями, которые одновременно являются *разрывающими* повседневность и *воспроизводящими* ее. Однако даже в таком контексте рутинизации кризисов, скачки цен (особенно на еду и газ для плит) били в самое сердце основного пространства воспроизводства жизни: домашнего очага. Мы убедились в том, что времена инфляции требуют интенсивных и специфических пересогласований (между реальностью, домашними хозяйствами, рутинами и ожиданиями), таких как изменения в пищевых привычках, перестановка приоритетов в том, что считается «базовыми расходами», пере-конвертация видов деятельности, приносящих доход, долги или использование правительственных пакетов чрезвычайной помощи.

Дом – это основная локация, где воспроизводятся жизни тех, с кем мы разговаривали, а кухня – это сердце заботы, которая создает дом и людей, которые в нем живут. Так, изменения в рутинах покупки, приготовления, потребления и иногда продажи еды, в первую очередь, происходят под влиянием растущих цен на продукты питания и газ. Дом, с нашей точки зрения, является одновременно материальным, аффективным и символическим пространством, которое пронизано солидарностью и напряжением, характерными для близких связей, структурированных гендером и межпоколенческими отношениями.

> Домашние деньги

Вопреки образу, создаваемому категорией *домашний* (domestic) в статистических исследованиях и опросах по пищевой безопасности, домохозяйства не являются изолированными единицами. Они являются частью сетей и конфигураций домохозяйств. Близость или дистанция между домами (или степень их относительной изоляции) – это ключевой элемент в конструкции социальных дистанций. Кроме того, дома – это места, где еда не только потребляется, но и производится на продажу. Само жилище, окно или комната могут служить местом торговли.

Продажа может производиться по случаю или с некоторой регулярностью, и иногда при участии других членов домохозяйства или конфигурации домохозяйств.

Ключом к описанию динамики домохозяйств в период инфляции, особенно, в контексте роста цен на еду и газ является понятие *dinheiro da casa* (домашние деньги). Этот эмный бразильский термин позволяет нам исследовать разные значения денег и монетарных практик с точки зрения домашних пространств. Понятие *dinheiro da casa* очерчивает моральную и практическую связь между людьми, деньгами и домохозяйствами, которая придает ценность коммунальным или общим потребностям поддержания дома как живого процессуального пространства, где возникают обязательные и регулярные расходы, такие как аренда, коммунальные услуги и расходы на питание. Опираясь на это понятие, мы можем выявить стратегии согласования нарушений обычных практик домашнего бюджета (особенно в том, что касается сокращения трат) и переопределения того, что считается необходимым для воспроизводства жизни.

> Этнографическая критика инфляции

Понятие *согласования* занимает центральное место в экономической теории инфляции. Так называемые монетаристские перспективы объясняют инфляцию как эффект излишка предложения валюты и расхождения ожиданий с растущими ценами. Более ревизионистские подходы объясняют инфляцию несостыковками в цепочках производства и дисбалансом, вызванным спорами о распределении. Основываясь на конкретном и повседневном опыте роста стоимости жизни тех, с кем мы говорили в Комплексе Маре, и опираясь на прагматическую теорию денег, которая учитывает *чувственное измерение инфляции*, мы предлагаем этнографическую критику самого понятия инфляции. ■

Адреса для связи:
<federico.neiburg@gmail.com>, <motta.eugenia@gmail.com>
Перевод Дарьи Холодовой

> Как справляются с инфляцией в современной Аргентине

Мария Клара Эрнандес, Национальный университет имени генерала Сармьенто и Мариана Луцци, Национальный университет имени Сан-Мартина (Аргентина)

Рис.: Витория Гонзалес, 2024.

В последние годы после долгого перерыва инфляция снова стала центральной проблемой экономической и политической повестки разных стран. Источники роста цен и инструменты, доступные правительствам для борьбы с ним, стали темами дискуссий между экспертами как в правительственных кругах, так и за их пределами. Но как люди справляются с инфляцией в своей повседневной жизни и что социология может нам об этом рассказать? Возникает много вопросов, когда мы задумываемся о том, как растущая стоимость жизни влияет на домашние хозяйства. Какими способами агенты говорят об инфляции и инкорпорируют информацию о ценах в свои повсед-

невные практики? Как вариативность цен влияет на расчеты и транзакции с течением времени? Какие методы бюджетирования осуществляются в контексте постоянной инфляции?

В этой статье мы анализируем эти вопросы, основываясь на недавнем исследовании, проведенном в Аргентине. С одной стороны, мы анализируем, как растущие цены проявляются в человеческих переживаниях. С другой стороны, мы показываем повседневные способы измерения инфляции, которые мы наблюдали, фокусируясь на домохозяйствах. Опираясь на экономическую социологию, мы подчеркиваем две цен-

>>

тральные проблемы, связанные с ростом стоимости жизни. Во-первых, это вопрос о том, как домохозяйства переживают растущую инфляцию. Во-вторых, нас интересует как производится знание об экономических феноменах и их отношении к теориям и инструментам, созданным экспертами для работы с этими феноменами.

> Инфляция и повседневная экономическая жизнь в Аргентине

Аргентина выделяется, как страна с долгой историей инфляционных проблем. Это также одна из немногих стран, которая уже демонстрировала высокие показатели годовой инфляции в этом веке до пандемии COVID-19. Между 2003 и 2006 годами, уровень инфляции в Аргентине в среднем не превышал 10% в год, тогда как между 2007 и 2021 годами, она поднялась до 30%, достигнув 94,8% в год в 2022. В результате, последние 15 лет, инфляция остается предметом национального публичного беспокойства.

Между 2017 и 2020 гг. мы провели исследование домохозяйств с низким и средним доходом в городе среднего размера в провинции Буэнос-Айрес. Нашей целью было исследовать конфигурацию домашних экономических практик в контексте удерживающейся и растущей инфляции, с учетом потребления и бюджетирования, накопления и кредитных практик. Мы дополнили результаты нашего исследования наблюдениями, сделанными в ходе другого исследования домашних хозяйств во время пандемии COVID-19. В последнем случае, хотя эффекты инфляции не были целью исследования, они сыграли решающую роль в его результатах. Полевая работа в ходе этого исследования показала значимость повышения цен в повседневных практиках домохозяйств, которые мы проинтервьюировали.

Учитывая литературу об инфляции и ее влиянии на потребительское поведение, мы разработали особый подход к анализу инфляции, не ограничивающийся исследованием моментов острого кризиса. Вместо этого, наш подход позволяет учитывать, как изменения, так и то, что остается прежним, когда общий рост становится не исключительным событием, а частью повседневной жизни. Эта перспектива не ограничена макроэкономическими аспектами инфляции, она предполагает детальное изучение того, как она влияет на повседневные практики экономических агентов.

> Основные результаты

Наше исследование показывает, что связи между экспертным знанием, с одной стороны, и повседневными практиками и восприятием, с другой, не являются прямолинейными и сложнее, чем принято полагать. Даже в течение периодов значительного роста цен, люди редко пользуются научными терминами или инкорпорируют технические измерения, обсуждая опыт инфляции в домашнем хозяйстве. Вместо этого, основные темы повседневных разговоров – это повышение цены на конкретные товары, которые считаются необходимыми в домашнем хозяйстве, или на товары, которые исторически считаются показателями того, что может произойти с ценами на другие продукты (например, топливо или доллар). Обе эти отсылки являются формами выражения общего поведения цен и снижающейся покупательной способности денег. Более того, фокус нашего исследования на конкретных формах вычисления, которые позволяют домашним хозяйствам справиться с эволюцией инфляции (так называемые «домашние меры инфляции»), выявляет конкретные способы, с помощью которых информация о ценах влияет на критерии, используемые для организации повседневного потребления и распределения домашних денег.

Наконец, наше исследование показывает, что, вопреки данным о предыдущих исторических периодах, стратегии домохозяйств в период инфляции, в первую очередь, направлены на обеспечение потребления путем адаптации ритмов, локаций или типов покупок. Поэтому, спекуляция на инфляции или поиск выгоды не были доминирующей реакцией на повышение цен у людей, с которыми мы общались во время нашей полевой работы. Однако, так как инфляция в Аргентине сохраняется и ускоряется, оказывая влияние на реальные зарплаты, стратегии могут трансформироваться. Дальнейшие исследования позволят выяснить, вернутся ли практики, наблюдавшиеся во время предыдущих периодов высокой инфляции на новых витках подъема цен.

В период, когда инфляция снова становится глобальным вызовом, анализ аргентинского случая помогает увидеть, как эмпирически разворачивается специфическая микро-социальная динамика, связанная с инфляцией. Глобальный диалог по этой теме может стимулироваться, опираясь на наблюдения конкретных местных способов переживать и справляться с ростом цен в других контекстах. ■

Адреса для связи:
<mariaclaraher@gmail.com>, <mluzzi@unsam.edu.ar>
Перевод Дарьи Холодовой

> Роль юки

в питании прекаризованных групп в Эквадоре

Кристина Сиело и Кристина Вера, Латиноамериканский факультет социальных наук (FLACSO) (Эквадор)

Сборщики юки за работой.

Фото: Министерство сельского хозяйства и животноводства, Эквадор.

Как прекаризованные слои населения проживают неудовлетворенность своих потребностей и необходимость выживать? Как они питаются не только материально, но и в социальном смысле? Каково отношение между объективными и субъективными средствами существования? Мы считаем, что отношение сообществ к еде помогает им формировать опыт переживания кризисов. Французский термин *la vie chère* (дорогая жизнь) одновременно отсылает к аффективным отношениям, коллективным оценкам и высоким ценам, указывая на важность всех этих измерений в понимании опыта и реакций на растущую стоимость жизни. В этом смысле, мы показываем, что особая [аффективная экология питания](#) может оказать влияние на возможности материального самообеспечения людей.

Наше исследование сравнивает значимость юки (региональный термин для обозначения корнепло-

да, также известного как *кассава* и *маниока*) в прибрежной и амазонской провинциях Эквадора, в зоне, где отношение к юке сформировалось исторически и под влиянием экспертного знания об этом корнеплоде. Изучая потребление юки в стране, где только треть экономически активного населения работает на контрактах полной занятости и зарабатывает не менее \$450 (базовый доход в стране) в месяц и где основные продукты потребления обходятся семье из четырех человек в \$763 в месяц, мы пытаемся пролить свет на траектории социального воспроизводства в контексте нехватки средств существования. Мы показываем, что ключ к включению юки в жизненные стратегии людей – это истории колонизации и эксплуатации земли и людей, которые формируют социальные отношения и отношения между людьми и природой, укрепляя реляционную роль юки в различных экологиях.

>>

> Обещание юки

Исследование юки, в более широком смысле, представляет сегодня глобальный интерес из-за сдвига в ее расиализированной репутации как «пищи бедняка». Юка широко производится и употребляется в Африке, Азии и Латинской Америке, где она в большинстве случаев выращивается мелкими фермерскими хозяйствами в экономически и экологически маргинальных зонах. С интенсификацией климатических и экономических кризисов, резистентность юки к засухе и ее способность расти в бедных, неплодородных и кислотных почвах, наряду с ее высокой энергетической ценностью – она дает больше калорий, чем рис, пшеница или кукуруза – обещают помочь накормить растущее население Глобального Юга. Сейчас юку стали называть «[корнеплодом века](#)». В Бразилии, например, большая часть калорий, потребляемых бедным населением, происходит от юки. Мировое производство юки выросло в три раза с 1980-х годов, и в Нигерии в настоящее время юка имеет самые высокие показатели по объему производства из всех сельскохозяйственных культур.

Зеленая революция середины двадцатого века была движима инициативами прокормить растущую мировую популяцию, одновременно повышая политическое и экономическое влияние США в постколониальных государствах. В 1971 году Консультативная группа по международным сельскохозяйственным исследованиям Всемирного банка (CGIAR) организовала исследовательские центры в Мексике, на Филиппинах, в Нигерии и Колумбии с целью повысить продуктивность основных питательных культур. В 1980-х Колумбийский международный центр тропической агрикультуры (CIAT) начал работать с Эквадорским национальным институтом сельскохозяйственных исследований (INIAP) чтобы продвигать роль производства юки в поддержании локального и национального развития. При материальной и технической поддержке CIAT, ученые INIAP работали над повышением продуктивности производства юки, а правительство и институты развития координировались с CIAT, чтобы стимулировать обработку и продажу юки через микропредприятия.

> Контрастный опыт: постколониальные неравенства и «живой лес»

Эти инициативы нашли в буквальном смысле плодородную почву в прибрежной провинции Эквадора Манаби, где находится одна из экспериментальных станций INIAP. Этот регион имеет доступ к морю и богат сельскохозяйственными землями, и потому с колониального периода имеет высокую сельскохозяйственную и коммерческую значимость. Земля в Манаби всегда принадлежала правящим классам: сначала колониальным властям, позже республиканским креолам, и, наконец, могущественным богатым семьям; ее использование было направлено на сельскохозяйственный экспорт кофе, какао и бананов, что привело к глубоким социальным и земельным неравенствам. Проекты сельскохозяйственного развития пытались эксплуатировать потенциал юки для корректировки этих неравенств, особенно в связи с постоянным отсутствием стабильных рабочих мест.

В отличие от символической и экономической роли юки в прибрежной провинции Манаби, в Амазонии она занимает весьма специфическое место в пищевых, культурных и гендерных отношениях коренных народов с самого начала ее окультуривания в бассейне Амазонки около 3000 лет назад. Чакры (*Chakras*) – поля, которые культивируют и обрабатывают исключительно женщины, обогащаются системами разнообразной флоры и фауны, которые имитируют естественную экологию леса. Юка занимает особое место в амазонских чакрах. Это один из немногих продуктов, который считается членом семьи, а точнее, ребенком. Забота женщин о юке и чакрах представляет собой аффективный труд, неотделимый от заботы о личном и коллективном благосостоянии.

Местные организации недавно добились официального признания ФАО ООН чакры как объекта сельскохозяйственного наследия глобальной значимости. Женщины, выращивающие юку, и чакра воплощают в себе анти-экстрактивистский подход «живого леса», предлагаемый индигенным движением, и симбиотическое, космологическое и реляционное понимание устойчивости. В разработке этого подхода ключевым стало сотрудничество индигенных интеллектуалов с учеными и антропологами, занимающимися этой проблематикой.

> Взаимозависимость различных измерений питания помогает преодолевать кризисы и неравенства

Пандемия и климатические кризисы отчетливо выявили как уязвимости и пробелы пищевой безопасности, которые происходят от структурированных глобально и проживаемых локально неравенств, так и ответы на эти неотложные нужды. Несмотря на то, что продуктивизм остается в центре анализа и инициатив по пищевой безопасности, междисциплинарные перспективы, которые выявляют взаимную зависимость, позволяют идентифицировать нашу роль во взаимосвязанных процессах культивации и потребления.

Понимая аффективные, экологические и политико-экономические измерения еды, мы можем исследовать разрозненные и пронизанные неравенством контексты устойчивой экономики с помощью организации различных элементов, составляющих особые политические социальности, живые ассамбляжи и изобретения для борьбы с прекарностью. Различные формы включения юки в борьбу с множественными и все более острыми кризисами демонстрируют способы, которыми локальные истории и экспертные интерпретации социальных, биологических, агрикультурных динамик и динамик развития формируют современные социальные отношения, отношения между людьми и природой, а также различные толкования совместной жизни, будущего и возможностей для переговоров и споров. ■

Адрес для связи: <mccielo@fiacso.edu.ec>

Перевод Дарьи Холодовой

> Моральные дилеммы в обеспечении питанием

Сусана Нароцки, Университет Барселоны, и Бибиана Мартинес Альварес, Университет Сантьяго-де-Компостела (Испания)

“Справедливая цена. Стоимость производства”. Фото из личного архива авторов.

Специфическая концептуализация повседневных расходов, которую мы рассматриваем в этой статье, опирается на интерпретацию словосочетания «стоимость жизни» (cost of living), которое операционализируется с помощью следующих показателей: (1) макроиндикаторы инфляции, (2) различия между стоимостью производства продуктов питания и их потребительской ценой, которое является частью издержек фермеров и ставит под угрозу целесообразность их деятельности, и (3) оплата труда работников. Мы выявляем, какие показатели «стоимости жизни» угрожают жизнедеятельности работников. Наконец, мы уделяем внимание энергии, необходимой для обеспечения социального воспроизводства в масштабе индивидов и домохозяйств – работников и нанимателей в сельском хозяйстве – и в масштабе целых политических сообществ, таких как национальное государство или Европейский Союз.

> Политическая экономия и моральная стоимость жизни

Выражение «стоимость жизни» охватывает множество укорененных в своих контекстах значений того, каких затрат стоит повседневная жизнь и следование практикам, которые эти значения поддерживают. Усилия, выражаемые в затратах на жизнеобеспечение, переводятся в моральные дилеммы, которые производят материальные результаты – в человеческих телах, в окружающей среде, в политических мобилизациях разных типов. Мы основываем наше теоретическое исследование на концепции «моральной экономики», которая подчеркивает центральное значение моральных ценностей, практик и эмоций в определении экономического и политического поведения. Преимущество этой концепции заключается в выражении моральных ценностей и обязательств через материальное обеспечение, распределение ресурсов и накопление капитала. В целом, наш подход осмысливает

моральные аспекты экономики как составляющие процессов политической экономики.

> Работники «основных» отраслей, избегание инфляции и стремление к справедливости

В условиях пандемии COVID-19, одной из основных забот правительства Испании стало поддержание постоянного продовольственного обеспечения и предотвращение чрезмерной инфляции. Наемные работники и фермеры, чья работа обеспечивает функционирование цепочек поставки питания, были названы «основными» акторами производства, потому что они производили критически важное благо: еду. Хотя эта категория, возможно, отсылает к утилитаристской традиции, тем не менее, она является в высшей степени моральной. Разговор в терминах «основного» (существенно важного для общества) – перевел экономический разговор в сферу «общего блага» и, следовательно, в сферу морали.

Тем не менее, рабочие, фермеры, предприятия-дистрибьюторы продуктов питания, потребители и правительство, занимая различные позиции внутри пищевой цепочки, понимали моральный императив обеспечения питанием по-разному. Эти конфликтующие значения и соответствующие им действия являются «моральными дилеммами», которые мы описываем с помощью распаковки (т.е. анализа): (1) инфляции - технического, но морально заряженного термина, который оправдывает политические решения, (2) «справедливых цен» - понятия, используемого фермерами в речах и на митингах, и (3) «честных зарплат» - цели, центрированной на жизнеобеспечении, мотивирующей протестные акции многих фермеров. Как требование «справедливых цен» фермеров, так и требование «честных зарплат» рабочих не были новыми. Новым был публичный фокус на потребителях, важность избегания дефицита еды и инфляционной нагрузки на цены в контексте безработицы, принудительных отпусков и общего сокращения доходов в большинстве домохозяйств.

В статье, только что опубликованной в [International Sociology](#), мы анализируем данные об инфляции цен на продукты питания в Испании (в особенности, на свежие продукты), начиная с отрицательной инфляции 2020 года и вплоть до сегодняшнего дня. В 2020 году, когда Европа закрылась на карантин, потребление многих вещей резко прекратилось или снизилось, что привело к двум основным последствиям. Во-первых, из-за безработицы и отпусков снизились доходы людей; во-вторых, большинство расходов сфокусировалось на базовых товарах, связанных с поддержанием жизни, и, в первую очередь, на продуктах питания. Если в первые месяцы пандемии рост цен на еду объяснялся нехваткой рабочей силы, то с окончанием карантина этот аргумент утратил свою силу. Пост-пандемический скачок инфляции был связан с ростом цен на производственные расходы (топливо, удобрения, труд) и с засухой, которая повлияла на производительность, хотя фермеры обвиняли в повышении цен сетевых дистрибьюторов даже в тех случаях, когда цены на выходе с фермы оставались прежними. Фермеры организовывались и выступали с требованиями «честных цен». Мы проанализировали цепочку цен от ворот фермы до потребителя, используя для

оценки вариативности цен индексы, предложенным фермерами вместе с потребительскими ассоциациями, и сравнили ее с дискурсами различных стейкхолдеров, демонстрируя таким образом моральную подоплеку их аргументов.

> Материальная и моральная оценка фермерской работы, продовольственные товары и человеческая жизнь

Фермеры утверждают, что недавнее повышение минимальной оплаты труда является одним из факторов, ставящих под угрозу их образ жизни, социальное воспроизводство домохозяйств, и приводит к инфляции. Этот страх за свою жизнеспособность призван оправдать экстремальные условия эксплуатации, которым фермеры подвергают своих поденных работников. Однако сельскохозяйственные рабочие требуют «справедливой оплаты труда» и обвиняют фермеров в незаконных практиках. Концепция справедливости, которой обращаются работники, имеет отношение к прожиточному минимуму, условиям труда и уважению. Она подразумевает сложный процесс оценивания различных материальных и моральных параметров социального воспроизводства. Если фермеры рассматривают поддержание жизни поденных рабочих как собственные «издержки», то сами рабочие, обращаясь к поиску справедливости, показывают, чего, на самом деле, стоит выживание в создавшихся условиях.

Наша статья исследует связанность трех аспектов «стоимости жизни» в ключевом секторе продовольственного обеспечения: инфляцию, нечестные цены и несправедливую оплату труда. Поскольку расходы на питание являются неизбежной составляющей человеческой жизни, мы рефлексируем о том, что системная стоимость поддержания жизни в Европе стала очень высокой и выходит за рамки обстоятельств пост-пандемии с ее инфляционным давлением, которое, в основном, описывалось как результат нагрузки на цепи поставки и цены на энергоносители. Является ли стоимость жизни следствием стечения обстоятельств, как нам пытаются внушить, или же она структурно встроена в нашу экономику?

Мы не только выясняем, что такое стоимость жизни, но и задаемся вопросами о том, чьи жизни становятся частью расходов и *чего стоят* усилия по производству средств жизнеобеспечения. Практики, которые мы анализируем, всегда связаны с моральными, хоть и расходящимися по смыслу, суждениями о том, что является общественным благом. При этом типы морали, которые здесь задействованы, выражаются в различных количественных показателях и качественных дискурсивных атрибутах человеческого действия, таких как справедливость, достоинство и честность. Эти моральные атрибуты используются в борьбе за «лучшую жизнь», которая может пониматься как менее затратная. Суть моральной дилеммы социального воспроизводства проявляется в ответах на эти вопросы, которые позволяют понимать, что значит стоимость жизни для разных людей, занимающих разные социальные позиции. ■

Адрес для связи: <narotzky@ub.edu>

Перевод Дарьи Холодовой

> Анализ СТОИМОСТИ ЖИЗНИ на Мадагаскаре

Флоран Бедекарратс, Институт исследований развития (IRD), Флор Дазе, EHES Paris, Изабель Герин, Мирей Разафиндракото и Франсуа Рубо, IRD (Франция)

Рынок Маджунга, Мадагаскар.
Рис.: Fleur28 / Wikimedia Commons.

Измерение стоимости жизни необходимо для понимания экономической, социальной и политической ткани страны. Однако это занятие связано со сложностями и противоречиями, которые происходят от различных интерпретаций «стоимости», которые включают ценности, техническую оснащенность, ресурсы и динамику власти. Несмотря на свои ограничения, Индекс потребительских цен (ИПЦ) часто используется как основной показатель расходов на жизнь, который одновременно отображает экономические условия и формирует их. ИПЦ используется как ключевой индикатор инфляции, играет ключевую роль в измерениях бедности и покупательной способности и действует как дефлятор для части ВВП, приписываемой неформальному сектору. Кроме того, ИПЦ нужен для индексации и пересмотра оплаты труда, пенсий и социальных выплат, а также для структурирования программ помощи и финансовых обязательств. Предыдущие исследования изучили социальную историю ИПЦ в развитых странах и гиперинфляционных контекстах и показали его значимость в формировании государств благосостояния и в регулировании оплаты труда. Этот сегмент исследований изучает, как меняющаяся динамика власти, социальные акторы и возрастающая

роль частного и финансового секторов сформировали развитие и использование ИПЦ.

> Случай Мадагаскара: три несовершенных и неудовлетворительных индикатора

Несмотря на существенный опыт исследований, существует явный пробел в изучении производства и использования метрик стоимости жизни во фрагментированных экономиках и слабых государствах. Чтобы заполнить этот пробел в этой статье мы исследуем случай Мадагаскара, бывшей французской колонии, где сохраняется экономика самодостаточности, которая частично избегает рынка, потому что люди занимаются фермерством, охотой и собирательством, обеспечивая собственное пропитание. Мадагаскар сочетает хроническое отсутствие пищевой безопасности, экстремальную бедность и хрупкое государство, которое существует в режиме гуманитарной помощи. Наше исследование основано на нескольких источниках, обращаясь к нашему собственному (рефлексивному) опыту производства статистических данных на Мадагаскаре, используя участвующее наблюдение в гуманитарной НКО, которая производит

>>

собственные данные и интервью с различными акторами, включенными в производство и использование данных о ценах.

Наш анализ выявил три способа измерения стоимости жизни на Мадагаскаре: ИПЦ Национального института статистики, используемый для макроэкономического управления и переговоров с иностранными донорами; альтернативный анализ и иногда опросы, производимые исследовательскими группами, составляющими отчеты о сохраняющихся бедности и неравенстве; и индикаторы и опросы акторов гуманитарной помощи, нацеленные на управление распределением помощи и фокусирующиеся на зонах и группах населения, находящихся под угрозой голода. Мы ставим под сомнение использование этих индикаторов как несовершенных и неудовлетворительных измерителей стоимости жизни и показываем, что эти технические инструменты представляют контрастирующие взгляды на то, что следует и чего не следует учитывать при подсчетах, а также выражают позиции тех, кто управляет ситуацией и с какими целями.

> Экспертные экономические и гуманитарные интерпретации

Эксперты по ИПЦ определяют стоимость жизни как среднюю потребительскую цену, предположительно валидную на уровне нации. На Мадагаскаре, однако, вопреки усилиям адаптировать ИПЦ к малагасийскому контексту, этот индекс только частично отражает реальность. Он гораздо лучше учитывает формальную экономику, положение богатого городского населения и основывается на устаревшем представлении о потребительском поведении, игнорируя нехватку и деградацию государственных услуг и, как следствие, многие затраты населения. Необходимо отметить, что хроническое отсутствие человеческих и финансовых ресурсов ограничивает способность статистических экспертов разрабатывать меры для борьбы с этими недостатками, несмотря на широкую осведомленность о них.

Экономисты, специализирующиеся на бедности и неравенстве, определяют стоимость жизни как результат потребительского поведения индивидов (или домохозяйств), которое варьируется в зависимости от социальной группы, места и времени. Специальные статистические опросы, адаптированные к локальным контекстам, подчеркивают, к примеру, широкий разброс в потребительских практиках домохозяйств в зависимости от кризисов, специфические характеристики сельских домохозяйств, ключевую значимость производства предметов личного потребления, масштаб разрушения государственных сервисов и, как результат, спад благосостояния.

Гуманитарные акторы определяют стоимость жизни как психологический минимум, необходимый для избегания недоедания. Они проводят свои собственные опросы (в т.ч. исследования цен), данные и индикаторы, которые одновременно содержательно богаты и впечатляющи по степени техничности (хотя и не так близки к «лучшим практикам», обычно используемым для под-

счета ИПЦ) и ресурсам, направленным на эту работу. Несмотря на усилия по проведению participatory опросов, их очень сложно перевести в цифры, а местное население чаще всего выражается косвенно и преобразует гуманитарные меры и интервенции согласно своим собственным стандартам справедливости.

> Невозможная миссия в условиях фрагментированного управления и национального разнообразия

Любая из этих форм экспертизы имеет право на существование. Те, кто их продвигает, нередко слепы к слабостям и ограничениям производимых подсчетов, но у них есть миссия и цели, которых они хотят достичь. Эксперты измеряют то, что они хотят и могут измерить. Как с любым видом цифр, те, что они производят, служат для объяснения реальности, для того, чтобы сделать ее понятной и формировать политические меры. Разнообразие цифр, отражающих стоимость жизни, иллюстрирует не только различие ценностей, определяющих то, что должно и не должно учитываться при подсчетах, но и фрагментарность способа управления, в котором НКО и международные организации играют лидирующую роль. Отсутствие легитимности национальных данных о ценах, которое выражает слабую легитимность малагасийского государства, авторизует и поощряет агентства гуманитарной помощи производить свои собственные данные. В результате мы наблюдаем динамику автопоэзиса, при которой произведенные данные оправдывают необходимость срочного действия и незаменимость привлечения гуманитарных акторов.

Большое количество индикаторов и аналитики также отражает экономическую и социальную фрагментацию страны. ИПЦ предполагается как «национальный» индикатор, но представляет только узкую фракцию населения и экономики (городскую и рыночную). В обществе существует не один, а множество различных и иногда несовместимых экономических укладов. Множество усилий исследовательских команд и гуманитарных акторов, иногда в изоляции друг от друга, иногда в сотрудничестве, направлено на приобретение более четкого понимания этой множественности. Однако эти усилия не могут отобразить специфику стоимости жизни в контексте, где неформальная экономика, производство продуктов личного потребления, социальные и символические издержки, охота и собирательство представляют значимую часть жизнеобеспечения и достойной жизни.

С подъемом природоохранной политики, эти проблемы не могут более игнорироваться. У Мадагаскара очень амбициозная политика по сохранению природы, которая серьезно угрожает охоте и собирательству многих деревенских жителей. Пока что именно беднейшие слои населения платят цену за предвзятые и приблизительные ценовые индексы, и, скорее всего, ситуация ухудшится, если не начнут применяться более совершенные способы анализа стоимости жизни, принимающие во внимание измерение достоинства и достойной жизни. ■

Адрес для связи <florent.bedecarrats@ird.fr>
Перевод Дарья Холодовой

> Власть ценовых субсидий в Марокко

Борис Самюэль, Институт исследований развития и Институт африканских миров (Франция) и Беатриче Ферлаино, Университет Болоньи (Италия)

Фото из личного архива авторов.

Марокканская система субсидий – которые акторы называют компенсациями – организует рынки продуктов, которые правительство определяет, как «стратегические», в основном, из-за их важности для покупательной способности домохозяйств: газ бутан, мука, хлеб и сахар. Наша работа предлагает историческую социологию этой системы, которая сохраняется и по сей день, вопреки той критике, которую она вызывала с момента своего создания, и регулярным обещаниям ее отменить. Эти «компенсации» выросли из ценовой политики французской колониальной империи в контексте инфляции, вызванной Второй мировой войной (1941), и управляют потреблением, производством и продажей продуктов. Эта система является во-

площением «État grenier» (государства-амбара), которое легитимировало свою власть в глазах людей тем, что обеспечивало пропитание и предотвращало социальные волнения. Мы показываем, что устойчивость и трансформации этой марокканской системы субсидий, которая пережила экономическую критику международных финансовых институтов, может быть проанализирована с точки зрения властных отношений, которые ее поддерживают.

> Субсидии на базовые продукты

Марокканские субсидии на базовые продукты включают разнообразие механизмов и призваны решать раз-

>>

ные экономические проблемы в зависимости от продукта: мука, сахар, столовое масло или газ бутан (и топливо, до либерализации этого сектора в 2015 году). Разные акторы придают термину «компенсация» разные социально-политические значения. Эти значения обычно связаны со обеспокоенностью государства покупательной способностью домохозяйств и с ренто-ориентированной логикой крупных экономических групп, ищущих выгоды. Государственное вмешательство в рыночные механизмы позволяет регулировать экономические и политические состязания и альянсы, особенно связанные с Королевским дворцом. Употребления слова «компенсация» могут также отклоняться от его строгих официальных значений. Государственные выплаты, нацеленные на удержание низкой и стабильной цены на хлеб, например, формально не называются компенсационными расходами, хотя в том, что касается акторов, они являются частью этой политики. Компенсационная политика Марокко укоренена в истории правления в этой стране, а родовая категория «компенсация» является эмной (используемой самими акторами).

> Бюрократические артефакты компенсации

На этой политической территории существуют бюрократические артефакты компенсации. Так, например, «структуры цен» фреймируют практики акторов и являются способом осуществления власти в современном Марокко. Бюрократические и финансовые процедуры компенсации укрепляют или устанавливают иерархии секторов производства: в секторе зерновых, например, бонусы фермерам обеспечивают выручку производителям семян. Способ расчета субсидий также, по-видимому, допускает получение сомнительной прибыли, как, например, в секторе производства бутана, указывая на то, что власти готовы проявлять определенный уровень толерантности к неправомерному присвоению государственных ресурсов. Наконец, механизмы управления ценами позволяют операторам получать признание их сотрудничества с государством. Например, на рынке муки, различия между двумя субсидируемыми типами муки, для всей страны и для сахарских провинций, отражается в размере субсидий: самые крупные сейчас зарезервированы для мельниц Касабланки. Из-за того, что использование субсидий укоренено в борьбе за власть и отношениях конкуренции между операторами, система субсидий играет роль медиатора в переговорах по поводу политических отношений.

> История субсидированных цен

История субсидированных цен – это также история реформ, с изменчивой политической легитимностью. В начале 1980-х, Бреттон-Вудские институты считали субсидии слишком дорогостоящими и не достигающими бедных домохозяйств. В период так называемых «хлебных бунтов» 1981 и 1984 годов компенсационная реформа была прервана оппозицией. Однако жестокие

действия властей продолжили сокращать охват субсидирования вплоть до конца 1990-х. В первом десятилетии нынешнего века, Король Мохаммед VI запустил инициативы, нацеленные на постепенную замену субсидий трансфертами в самые бедные зоны и домохозяйства. Однако после протестов так называемой «Арабской весны» 2011 года, представления о том, что отмена компенсаций приведет к политическим и социальным беспорядкам, укоренилась даже в международных организациях и рейтинговых агентствах. Идея сохранения простого статус-кво в сфере компенсаций, однако, не позволяет понять текущие политические трансформации.

В начале этого века, легитимность реформы системы субсидирования выросла. Многие технические исследования указали на непрозрачное и неравное распределение компенсаций – самые богатые 20% получали 75% подарков от государства. Дебаты о реформировании субсидий структурируют партийную политику. Абделила Бенкиран из Партии исламистской справедливости и развития (ПСР), премьер-министр страны с 2011 по 2017 годы, заменил компенсации целевыми финансовыми трансфертами – и это было одним из его основных лозунгов во время кампании. На наш взгляд, более уместно понимать реформу компенсаций как часть периода, совмещающего трансформацию и устойчивость, а не как линейную разборку, означающую переход от государственного вмешательства к свободному рынку.

> Протесты против роста цен

Протесты против роста цен, часто интерпретируемые как механические реакции на высокую стоимость жизни, являются более широким вызовом политическому порядку, и оставили большой след в истории Марокко. Между 1981 и 1990-м годами, во время периода, известного как «les années de plomb» («свинцовые годы»), масштабные народные демонстрации в 50 городах по всей стране, названные «хлебными бунтами», часто описываются как неорганизованные вспышки насилия, спровоцированные ростом цен на хлеб. Однако эти жестоко подавленные протесты были организованы политическими движениями и отражали глубокое и широко распространенное сомнение в легитимности власти режима Гассана II. Это был ответ на годы интенсивного политического насилия и суровых ограничений свободы выражения и оппозиции. Цены – это привилегированный способ выражения протеста. В самом начале так называемой «Арабской весны» в 2011 году, принятие мер укрепления покупательной способности населения стало для правительства также способом выразить доброжелательность к своим гражданам. Субсидии часто становятся контрмерой в условиях оспаривания власти. ■

Адрес для связи: <boris.samuel@ird.fr>
Перевод Дарьи Холодовой

> Продовольственная безопасность во время войны: случай России

Каролин Дюфи, Sciences Po, Бордо и Центр имени Эмиля Дюркгейма (Франция)

Рис.: Marcson / Pixabay.

Продовольственная безопасность остается краеугольным камнем кампании по искоренению голода и крайней бедности, одной из Целей развития тысячелетия (ЦРТ), поставленных главными международными организациями по развитию. Комплексное и многогранное, понятие продовольственной безопасности было определено Всемирным продовольственным саммитом ООН в 1996 г. как базирующееся на четырех столпах: наличии продовольствия, его доступности, возможности им пользоваться, а также стабильности этих трех условий.

Несмотря на рост сельскохозяйственного производства, поставленная цель находится под угрозой в результате че-

реды кризисов, произошедшей с начала 21 века. Финансовые, геополитические или относящиеся к здоровью, эти кризисы повлекли значительные и ускоренные изменения в ценах на питание. С 2014 года, и особенно в 2022 году, вторжение России в Украину вновь усилило риски дефицита продуктов питания; мы стали свидетелями голодных бунтов на Глобальном Юге, инфляции на Глобальном Севере и разрывов в производстве и поставках в военных зонах вокруг Черного моря, которые являются глобальными хлебницами. На фоне этого отката, глобальная продовольственная безопасность снова заняла центральное место в международных дебатах, в которых подчеркивалось множество ассоциированных рисков для сельскохозяйствен-

>>

ных рынков, производства и торговли. Возвращение войны в Европу с 2014 года поднимает вопросы о приоритете обещаний достичь продовольственной безопасности: как и какие акторы фреймируют эту проблему? Какие группы населения она затрагивает? Меняет ли война способ мобилизации этой проблемы?

> Продовольственная безопасность в России: риторический конструкт и стратегия легитимации правящих элит

Контекст, которому я обращаюсь, чтобы ответить на эти вопросы – это ситуация в современной России (лидеру по экспорту зерна на мировых рынках) с момента вторжения в Украину в 2014 году. Методология, которую я использую, включает анализ дискурса, основанный на предварительном полевом опросе, проведенном в российском сельскохозяйственном контексте между 2015 и 2018 годами, и публичных заявлениях центральной российской власти с 2022 года (в основном Президента и Совета безопасности РФ).

Теоретические подходы к проблеме публичного фрейминга показывают, как мобилизация сельских акторов способствует появлению альтернативных моделей. В Южной Америке, например, движение *Vía Campesina* выступает за продовольственную безопасность для крестьянских сообществ. Фреймирование публичной проблемы может предложить специфическое определение ситуации и связанных с ней вопросов: это результат когнитивной, дискурсивной и политической работы акторов, которые стремятся выдвинуть какой-то конструкт как более значимый, чем другие.

Опираясь на эти положения прагматической социологии, мое исследование понимает продовольственную безопасность в России как риторический конструкт и как легитимирующую стратегию правящих элит. В этом контексте можно выделить три специфические проблемы. Во-первых, дискурс обозначает некоторое «политическое общее» в широком смысле, выраженное через понятие власти или суверенитета. Кроме того, этот дискурс зависит от международного контекста, который отделяет «нас» от глобальных «них». Прослеживая историю публичной проблемы, мы можем заметить переход от концепции продовольственной безопасности, основанной на международной интеграции в первом десятилетии этого века, к национализации агропродовольственных проблем. В конце концов, этот дискурс имеет структурирующие эффекты в виде сельскохозяйственной и продо-

вольственной политики, проводимой в России, начиная с 2014 года. Такое видение позволяет нам понять, как продвижение мер замещения агропродовольственного импорта из западных стран, начавшееся в 2014 году, подготовило национализацию продовольственных проблем и усиление сельскохозяйственного экспорта.

> Меняющиеся дискурсы и соперничающие взгляды на продовольственную безопасность

С 2014 года, риторика глобальной зерновой державы, основанная на интеграции в международные рынки и вступлении России в ВТО, уступила место политическому дискурсу в пользу национальной суверенности, основанной на продовольственной независимости. Режим международных санкций сыграл центральную роль в этой эволюции, подкрепленный началом широкомасштабной войны в Украине в 2022.

Зерновое соглашение, подписанное в июле 2022 года между Россией и Украиной под эгидой ООН и Турции, создало чрезвычайное гуманитарное положение в зоне высокоинтенсивного военного конфликта. За ним стояло намерение дать импульс экспорту зерна на мировые рынки и снизить ценовое давление. Россия денонсировала это соглашение и отказалась продлевать его после весны 2023 года.

Разрыв зерновой сделки проявил конфронтацию между двумя взглядами на продовольственную безопасность: либеральным и протекционистским. Первый фокусируется на международной торговле как факторе продвижения общего процветания, роста и игры с позитивной суммой. Этот взгляд поддерживается такими международными организациями, как ООН, ФАО и Всемирная продовольственная программа. Эта перспектива направляла сельскохозяйственную модернизацию в России в первом десятилетии этого века. Второй взгляд – авторитарный и продуктивистский – поддерживается отсылками к силе и игре с нулевой суммой. Циркуляция товаров организована и контролируется государством. Это и есть самый свежий нарратив, производимый исполнительной властью современной России и постоянно укрепляющийся с 2014 года. Он едва ли оспаривается какой-либо альтернативной риторикой, которая если и существует, то остается маргинальной. ■

Адрес для связи: <c.dufy@sciencespo-bordeaux.fr>
Перевод Дарьи Холодовой

> «открытые Движения»: платформа публичной и глобальной социологии

Брено Брингель, Государственный Университет Рио де Жанейро (Бразилия) и Университет Комплутенсе в Мадриде (Испания) и **Джеффри Плейерс**, FNRS и Католический Университет Левена (Бельгия), президент MCA (2023-2027)

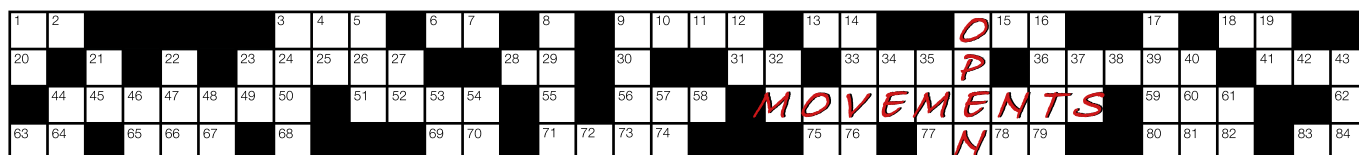

Рис.: Рауль Пау.

Климатические ухудшения стали очевидной реальностью, а, между тем, на мировых саммитах, правительства демонстрируют лишь неспособность и нежелание адекватно подходить к этой насущной проблеме. В различных регионах мира демократия находится под серьезной угрозой. Технократы заключают ключевые торговые сделки, а граждане оказывают очень мало влияния на принимаемые решения. Авторитаризм, как и националистические и крайне правые движения, набирают силу в глобальном масштабе. Везде наблюдается рост и распространение языка ненависти и нетерпимости, что ведет к преступлениям на почве расизма и ненависти, к росту политической поляризации. Мы переживаем более сложный сценарий взаимосвязанных и усиливающих друг друга кризисов (поликризисная ситуация) (polycrises), который бросает вызов цивилизационной модели безграничного роста, прогресса и развития. Более того, кризисы нашего мира воздействуют на людей и общества по-разному. Отчет Оксфам, посвященный проблемам неравенства ([Oxfam Inequality Report 2024](#)) отмечает, что с 2020 года пять процентов самых богатых людей планеты удвоили свои состояния. За тот же период почти 5 миллиардов жителей планеты стали беднее. Неравенство достигло исторически беспрецедентного масштаба.

Все эти вызовы напоминают нам, что общественные движения являются решающими акторами наших обществ. Сейчас на Западе и на Востоке успеха добиваются супрематистские, расистские и крайне правые движения. Они оказываются привлекательными для молодых людей во всем мире. Все страны, которые пережили массовые демократические протесты периода Арабской Весны 2011 года, сейчас управляются авторитарными режимами. Даже в некоторых наиболее устойчивых де-

мократиях социальные движения подвергаются репрессиям, убивают журналистов и государство шпионит за своими гражданами.

Эта печальная картина, однако, является неполной. Хотя альтернативны все еще существуют, но часто они остаются невидимыми, особенно в условиях отсутствия публичных протестов. Во всем мире возникают новые формы общественной активности и новые демократические практики. Они расширяют горизонты и проблематизируют наше классическое понимание протеста, общественных движений и демократии. Граждане занимают площади и пространства интернет, чтобы самоорганизовываться, распространять свои идеи и содействовать открытому свободному обществу, в котором знания и информация являются общим благом. Они не сводят демократию к выборам или требованиям, адресованным правительствам; они считают демократию утверждением социальной справедливости и достоинства, а также своим личным обязательством, которому они следуют в своих повседневных практиках и общественной деятельности.

> Общественные движения: протесты, альтернативы и знания

Новая рубрика *Глобального Диалога* «открытые Движения» («openMovements») в буквальном смысле ставит перед собой цель – открыть пространство для анализа социальных движений и тех проблем, к которым они обращаются в различных странах мира. Предполагается, что основанные на эмпирических исследованиях, статьи этого раздела будут анализировать успехи и ограничения общественных движений, а также откаты, с которыми сталкиваются сегодня многие из них. С помощью этого

>>

материала мы сможем лучше понять наше общество и те вызовы, которым мы противостоим на локальном, национальном и глобальном уровнях.

Мы убеждены в том, что общественные движения, как прогрессистские, так и реакционные, являются важнейшими акторами производства и трансформации общества. Они влияют на конкретные политические программы и трансформируют культуру. Своим опытом борьбы и социальными экспериментами они производят знание и генерируют коллективное научение на всех континентах. Они формируют наше видение мира и открывают сценарии альтернативного будущего.

Хотя протестные действия, благодаря СМИ, становятся видимыми и получают известность, они являются только верхушкой айсберга общественных движений. Менее очевидные, но не менее значимые формы активности, включают проекты массового образования, конкретные формы солидарности, активного гражданства, трансформации повседневной жизни и субъективности. Наш раздел «открытыеДвижения» приглашает к публикации статьи, посвященные тематике протестов и конкретных альтернатив.

> Глобальная социология

Глобальный диалог, укорененный в стремлении получить знания от социологов и акторов различных континентов - является основным принципом МСА. Новый раздел нашего журнала - открытыеДвижения - openMovements - способствует формированию глобального подхода к пониманию обозначенных выше социальных трансформаций, предлагая социологам из всех регионов Глобального Юга и Глобального Севера представить свой анализ происходящего. Мы убеждены, что знание о социальных движениях, кризисах и альтернативном опыте, сформированное на разных континентах, позволяет более глубоко осмыслить реальность, вызовы демократии и возможные пути эмансипации и социальных изменений в нашей стране или регионе.

Мы развиваем глобальный взгляд на трансформации нашего мира и стараемся избегать как методологического национализма, так и методологического глобализма, поддерживая диалоги между различными голосами, поколениями, подходами и традициями мысли и действия. Глобальный взгляд не предполагает отрицания локальных и национальных конфликтов. Напротив, хорошо информированный глобальный подход с необходимостью опирается на исследования общественных движений на местном, национальном и региональном уровнях. Мы стремимся пролить свет на альтернативные эксперименты, укорененные в реальности конкретных мест и конкретного опыта борьбы, которые могут воодушевить акторов на других континентах и обогатить их представления о возможном будущем. Мы хотим, чтобы наши читатели получили ключи к пониманию волны протеста или кризиса в тех странах или местах, о которых не сообщают новостные ленты, но о которых мы должны знать. Мы также будем обращать внимание на транснациональные связи локальных и национальных акторов и их влияние в глобальном масштабе.

Мы надеемся способствовать распространению теорий, практик и репертуара общественных движений во всем мире.

Чтобы понимать действия акторов и проблемы современного мира, необходимо комбинировать (объединять) различные шкалы действия и уровни анализа. Адекватный глобальный подход требует проведения полевой работы во многих местах современного мира, в самых разных регионах. Такие исследования должны быть основаны на полном погружении одновременно на разных уровнях реальности - местном, национальном, региональном и интернациональном. Социальные движения формируются контекстом и акторами, действующими на этих различных аренах, но также вносят вклад в определение локальных национальных и региональных реальностей. Если на локальном уровне движения, как правило, редуцируются до конфликтов местного значения, то такие феномены, как Сапатистское движение в Мексике, тридцатилетний юбилей которого отмечается в этом году, имеют также глобальное значение. Мы стремимся к тому чтобы материалы рубрики открытыеДвижения (openMovements) помогли нам понять какой отклик получают различные культуры протеста и борьбы за пределами национальных границ и как транснациональные сети воздействуют на внутреннюю и международную политику.

> Публичная социология

Социальные ученые должны внести вполне конкретный вклад в создание демократического общественного пространства. Глобальный Диалог и его рубрика открытыеДвижения должны стать каналами реализации этой задачи. Для понимания будущего, оценки шансов и вызовов, которые артикулируют общественные движения, и интерпретации конфликтов, которые стоят за конкретными событиями, освещаемыми прессой, необходимы научная добросовестность и долгосрочная полевая работа. Поэтому существенно необходимо создавать открытые пространства, где ученые, которые проводят глубинные исследования, могли бы представлять результаты своей работы, публикуя тексты, доступные широкой неакадемической публике.

Эта рубрика нацелена на соединение социологии общественных движений с общей социологией; идея заключается в том, чтобы развивать подходы, избегающие ловушек как гиперспециализации «профессиональных» социологов, так и интеллектуального авангарда. Мы разделяем позицию бывшего президента МСА и основателя Глобального Диалога [Майкла Буравого](#), который утверждает, что задача публичной социологии заключается в том, чтобы обеспечить диалог между социологами и различными аудиториями, находящимися за пределами академического мира; необходимо построить открытый диалог, в котором обе стороны углубляют собственное понимание общественных проблем.

> Новое развитие рубрики открытыеДвижения (openMovements)

Издательский проект открытыеДвижения (openMo-

vements) зародился в марте 2015 года. Мы стали его основателями, и первоначально он работал на ведущей независимой медиа-платформе *openDemocracy*. Его целью было «открыть общественные движения» в трех измерениях.

- Связать анализ общественных движений в широких социальных изменениях, рассматривая общественные движения как критический элемент лучшего понимания конкретных социальных акторов и общества в целом.
- Развивать глобальный подход с фокусом на опыте Глобального Юга и содействии генерированию коллективного знания о различных конфликтах во всем мире.
- Открыть пространство диалога между учеными и активистами, расширяющее горизонты публичной социологии.

За период с 2015 по 2021 гг. в рамках проекта openMovements было опубликовано около 250 статей исследователей и участников движений из тридцати стран ([openDemocracy](#)). Благодаря точному формату, компетентному анализу и динамичной онлайн публикационной платформе, эти статьи получили отклик широкой читательской аудитории исследователей разных стран и тысяч граждан, журналистов, активистов и политиков. Некоторые статьи были написаны как интервенции в развивающийся публичный дебат, однако, они всегда стремились не просто выразить то или иное мнение, но представляли серьезный анализ. Мы также стремимся включить обычно умалчиваемые голоса или позиции, недостаточно представленные в публичных и академических дебатах.

Некоторые статьи стали частью тематических блоков, опубликованных приглашенными редакторами (среди представленных тем - миграционные кризисы, новый репертуар репрессий, переизобретения левых, социальные движения и пандемия). Выборочно статьи были переизданы в виде пяти книг на английском и испанском языках в режиме открытого доступа: [Protesta e indignación global](#) [Глобальный протест и возмущение] (2017); [México en movimientos](#) [Мексика в движениях] (2017); [Alerta global. Políticas, movimientos sociales y futuros en disputa en tiempos de pandemia](#) [Глобальная тревога. Политика,

общественные движения и дебаты о будущем во время пандемии] (2020); [Social Movements and Politics during COVID-19](#) [Общественные движения и политика во время COVID-19] (2022); [Chile en Movimientos](#) [Чили в движениях] (2023).

Теперь, завершив эту начальную фазу развития, openMovements начинает новый этап в рамках *Глобального Диалога*, стремясь выстроить более институализированные мосты между ведущими мировыми социологическими ассоциациями и различными аудиториями. На новом этапе развития проекта его первоначальный замысел был дополнен двумя инновациями. Во-первых, мы предлагаем динамичную платформу для публикации статей на английском языке на вебсайте *Глобального Диалога*. Часть статей будет опубликована в трех ежегодных выпусках нашего журнала и переведена на двенадцать языков. Во-вторых, теперь мы не ограничимся единой платформой распространения нашего журнала, а будем искать партнеров в мировых цифровых медиа, чтобы сделать нашу работу доступной более широкой читательской аудитории.

Мы приглашаем вас к участию в этой рубрике. Хотя в основном мы публикуем отдельные статьи, мы также приветствуем коллективные тематические блоки, подготовленные приглашенными редакторами, в которых представлены публикации активистов и социальных исследователей разных континентов, посвященные какой-либо конкретной проблематике. Нам особенно интересны короткие тексты, посвященные недавним событиям или горячим темам мировой политики, которые не просто представляют то или иное мнение, но являются результатом эмпирических исследований или мониторинга социальных и политических процессов. Иными словами, чтобы осмысливать исторические вызовы, которые мы переживаем, и противостоять им, мы должны развивать публичную и глобальную социологию. Именно к этому стремится наш обновленный проект *открытыеДвижения*. ■

По всем вопросам пишите редакции *Глобального Диалога*
<globaldialogue@isa-sociology.org>
Перевод Елены Здравомысловой

> Как мы исследуем и интерпретируем народную борьбу?

Лоренс Кокс, Университет Мэйнута (Ирландия), Альберто Аррибас Лосано, Университет Комплутенсе в Мадриде (Испания) и Сутапа Чаттопадхьяй, Университет св. Фрэнсиса Ксавье (Канада)

Женщины и дети байга в протестном марше, Индия, 2003. Фото: Саймон Уильямс, Ekta Parishad / Wikimedia Commons.

Последняя четверть тысячелетия мировой истории стала также периодом общественных движений, борьбы против империи, которая произвела на свет постколониальные национальные государства, сражений за демократию, которая в настоящее время во многих странах переживает яростные атаки, движений женщин и ЛГБТ+, которые бросили вызов основам патриархата, общественной активности мигрантов и антирасистских движений, движений за признание социальных прав людей с ограниченными возможностями и душевно больных, антивоенных протестов и различных форм классовой борьбы, включая демократизацию доступа к образованию, а значит и к исследованиям и проч.

Существует достаточно причин, объясняющих расцвет исследований общественных движений в такой ситуации. Но как в действительности проводить эти исследования на достойном уровне? Будучи соредакторами [первого за последние десять лет руководства по методам исследования движений](#), мы с Анной Солуча (которая в настоящее время проводит полевое исследование) особое внимание уделили вовлеченному исследованию, проблематике Глобально Юга и заботе о новых исследователях.

> Вовлеченное и конвенциональное исследование

Методические руководства довольно часто являются инструментами исключительно академического производства. Однако, общественные движения играют существенную роль в развитии основных социологических теорий и методологий (напр., марксизм, феминизм, квир-исследования, деколониальный подход). Таким образом, исследование движений является особым полем, в котором практики, работающие в организациях, часто занимаются образовательной, теоретической и исследовательской работой, но при этом постоянно исключаются из академической дискуссии, т.к. ученые стараются сохранить респектабельность своих дисциплин (удобную для финансирования и политической безопасности). В соответствии с такой ситуацией, предыдущие хэндбуки были либо чисто научными по своему стилю, либо в высшей степени теоретическими; в них были представлены радикальные методы, но такие руководства были ориентированы, прежде всего, на читателей с академической подготовкой и на академический контекст.

Мы постарались представить иной подход, приглашая к участию в издании не только авторов, работающих в строго

академических контекстах, но и исследователей, работающих в самих движениях, которые имеют большой опыт использования различных методов вовлеченных и коллаборативных исследований. Мы считаем, что в результате нам удалось представить реальное богатство и креативность изучения общественных движений и приверженность огромного числа социальных исследователей проблематике социальной справедливости.

Мы особенно гордимся разделом, в котором рассматривается «прикладное применение» (“applications”) изучения общественных движений. Что движения делают с исследованиями, которые им посвящены? Слишком часто этот вопрос либо игнорируется, либо рассматривается в крайне идеалистическом ключе; практический опыт движений и вовлеченных исследователей редко становится предметом изучения, несмотря на то, что он является интересным, проблематичным и необходимым для улучшения ситуации.

> Движения Глобального Юга и Глобального Севера

Как и многие другие темы, общественные движения в основном изучались авторами Глобального Севера, которые доминируют в этом публикационном поле. При этом движения Глобального Юга зачастую являются более крупными и многочисленными. До сего дня буквально каждый англоязычный справочник по этой проблематике фокусировался на материалах Северной Америки и Западной Европы (мы говорим о проблематике и авторах), несмотря на богатую историю исследования народной борьбы в рамках теории общественных движений в Латинской Америке, Индии, Южной Африке и др. регионах.

Мы согласились быть редакторами нового хэнбюка (первого в этом десятилетии) при условии, что мы будем работать, опираясь на глобальный подход, хотя мы не утверждаем, что нам удалось полностью деколонизировать эту перспективу. Даже независимое финансирование перевода и редактирования текстов, написанных не на английском языке, не помогло полностью решить проблемы, созданные усилением центрального положения английского языка в глобальном академическом мире. Вместе с тем, сохраняющееся длительное время неравенство в финансировании исследований, означает, что небольшие страны, в которых общественные движения не являются особенно значимыми (например, Англия), составляют очень существенную долю в глобальном пуле академических публикаций.

Тем не менее, мы очень довольны тем, что в нашем хэнбюке публикуются авторы, представляющие все континенты (кроме Антарктиды), что мы представляем самую разнообразную проблематику и представляем исследования, проведенные на Глобальном Юге и, среди прочего, знакомим читателя с индигенными подходами. Это первый шаг на пути к более честной и полезной картине лучших исследовательских практик изучения движений во всем мире.

> Поддержка новых исследователей

Наконец, мы отмечаем, что социологи недостаточно обращают внимание на то, как люди, уже работающие в этом поле, могут поддержать тех, кто находится в начале исследовательского пути. Так, например, во многих университетах Европы молодые исследователи, которые хотя и аспирантуре изучать общественные движения, в студенческие годы не изучают этой проблематики и пишут свои заявки, не имея доступа к университетским библиотекам, за исключением тех случаев, когда получатель гранта включает их в проект на этапе разработки. Поэтому у таких исследователей остается мало возможностей для изучения всего богатства литературы, посвященной движениям, и они склонны воспроизводить первые попавшиеся подходы, с которыми сталкиваются при чтении. Если исследователи, принадлежащие к движению, не имеют контактов с сильными независимыми исследовательскими традициями, им приходится еще труднее.

Именно поэтому мы очень благодарны издательству, которое открыло наше пространное содержательное вступление (12000 слов) для бесплатного онлайн доступа. Мы надеемся, что этот шаг позволит демократизировать доступ к полному спектру возможностей и откроет двери всем обычным способам, с помощью которых активисты, внеуниверситетские исследователи и все, кто изучает Глобальный Юг, смогут получать информацию, доступ к которой обычно является платным.

Мы очень основательно работали с авторами над тем, чтобы главы нашего хэнбюка были доступны тем, кто является новичком в этом поле – людям, которые десятилетиями находились вне сферы образования, тем, кто не имеет элитного образования, для которых английский язык не является родным и тем, чье внимание многовекторно и разрывается между повседневными заботами, политическим активизмом и давлением трудовых обязательств. Проведение хорошего исследования всегда требует усилий, а тексты о методах не должны демонстрировать культурный капитал и создавать эффект исключения.

Опыт подготовки этой книги был удивительным и обогащающим: он позволил нам увидеть невероятно творческую, глубокую и самоотверженную работу, которая совершается в большом количестве движений, в разных географических пространствах и академических мирах. Заслуженные ученые Глобального Севера, ключевые фигуры Глобального Юга, исследователи-активисты и те, кто находится в самом начале своего академического пути – все они с большой энергией и щедростью откликнулись на наш проект. Мы полагаем, что этот коллективный труд является одним из лучших примеров того, как исследователи включаются в жизнь общественных движений и надеемся, что он вдохновит новых исследователей присоединиться к разговорам между учеными и активистами о современных общественных движениях. ■

Адрес для связи <laurence.cox@mu.ie>, Twitter: [@ceesa_ma](https://twitter.com/ceesa_ma)
Перевод Елены Здравомысловой

> Видео-практики майя и децентрализация знания

Карлос Флорес, Автономный Университет штата Морелос, Мексика

Фото: Карлос Флорес, 2006.

Начиная с 1990х годов, я работаю в совместных видеопроектах муниципальных организаций майя в Гватемале. Первые из этих проектов были запущены, когда страна только начинала восстанавливаться после тридцатишестилетней гражданской войны, завершившейся в 1996 году, унесшей почти 200000 жизней, 45000 пропавших без вести, большинство из которых были гражданским населением, представителями коренных народов, проживающих в местных селениях. Общественные движения и организации майя возникли в условиях разрушительных последствий военного конфликта, для того, чтобы выступить с требованиями соблюдения прав и правосудия со стороны государства, которое было в основе своей безразличным к проблемам коренного населения. В некоторых местах видео стало не только важным инструментом образования, способствуя укреплению этнической идентичности и формиро-

ванию политических требований, но также средством противостояния гегемонным не-индигенным нарративам о жизни, политике и культурных практиках.

В этой ситуации я выполнял роль визуального антрополога, получившего подготовку на Западе, и должен был помочь структурировать нарративы визуальных материалов, используя, в основном, результаты операторских съемок людей, участвующих в проектах, и обсуждая с местными жителями редактирование видеозаписей, в результате которого сообщения направлялись различным аудиториям. В общине майя-кекчи и позже в общине майя-кичи (Maya-Q'eqchi', Maya-K'iche') мы сняли несколько документальных фильмов, посвященных культурным практикам, памяти и правосудию в отношении жителей деревень, погибших во время войны. В этих фильмах мы также освещали борьбу за правовую ав-

>>

тономию и уважение к местным укорененным формам права и способам разрешения конфликтов. Этот опыт позволил мне осознать, что результаты сотрудничества с местным сообществом не являются самоочевидными и включают сложные взаимодействия и толкования, поскольку различия нашего социально-экономического и культурного бэкграунда формируют разные ожидания в отношении этих проектов.

> Наследие модерности / колониальности

Существует два фундаментальных обстоятельства, которые в различной степени повлияли не только на мое сотрудничество с организациями майя, но также оказывают влияние на многих исследователей, работающих с общественными движениями в обществах Глобального Юга. Как утверждают многие ученые, модерность и колониализм представляют собой две стороны одного и того же процесса западной экспансии. С одной стороны, традиция модерна, в соответствии с предположительно объективной тенденцией, основанной на научной истине, стремилась сформулировать конкретные критерии и институциональные дискурсы конструирования гегемонных проектов взаимодействия с природой и социальной жизнью; проекты модерна не всегда соответствовали тому, как люди, изучаемые в полевых исследованиях, конструировали свою реальность. С другой стороны, колониализм одновременно порождает неравенство между субъектами в поле и исследователями, и это дополняло натурализацию существования культурного другого, который не только отличается от исследователя, но и живет в своем собственном отделенном пространстве и времени. Такая отделенность часто использовалась для усиления кодов господства, подчинения и культурного различия.

Следуя такой логике, глобальные элиты, сформированные традициями мысли либерального Западного Просвещения, исторически утверждали себя как нормативных граждан, по отношению к которым даются определения и формируются отличия культурного другого. Приписанная таким образом идентичность субалтерна (по расовому или гендерному признакам) была натурализована и стала почти невидимой, благодаря предполагаемой «универсальности», которая, как предполагается, создавала объективную реальность. Очевидным образом, возможности субъектов поля, которые взаимодействовали с исследователями в контексте социального неравенства, продвигать свое видение жизни, отличное от того, которое распространяла центральная власть, были существенно редуцированы.

Сотрудничество при создании аудиовизуальных материалов с малазийскими коллегами позволило мне понять, как отношения власти концептуально определяют способы понимания или непонимания явлений в любом обществе, валидируя и отдавая предпочтение одним формам знания по сравнению с другими. Так, например, кинооператоры майя и местные власти считали правовые практики майя-Киче частью целостной системы, основанной на майяских ценностях, принципах и мировоззрении, что контрастировало господствующим широко распространенным медиа-образами индигенного права как «сурового правосудия» (“rough justice”).

> Новые подходы

В контексте эпистемического господства саморефлексия и ревизионистские подходы социальных ученых позволяют развивать критическое и продуктивное видение целей, задач и методов визуального исследования. Теперь вполне возможно переосмысление форм сотрудничества и взаимодействия, которые способствуют реализации более креативных проектов и визуальных исследований в целом. Описанные выше разделения между исследователями и культурными другими также размываются: все чаще исследователи работают совместно с местными жителями или сохраняют различные степени связанности с изучаемыми сообществами. Их практики испытывают влияние их культурной идентификации, академической подготовки и политического позиционирования. Такой сдвиг подразумевает обещание, не всегда реализованное, создания менее иерархических и более горизонтальных взаимодействий между участниками таких исследовательских проектов.

Социальные науки отдают предпочтение письменному тексту, что делает результаты исследований недоступными для сообщества с низким уровнем грамотности или осведомленности об основных тропах и фреймах модерна. Поэтому использование аудио-видео ресурсов в социальном исследовании предполагает особое внимание к сокращению дистанции между участниками исследовательских проектов, поскольку они могут способствовать совместному конструированию результатов исследования и создавать пространство взаимодействия для людей с разным видением, для тех, кто опирается на различные культурные основания и опыт. Исследовательские результаты такого типа могут получить более широкое распространение в аудиториях, которые принадлежат мирам с другим отношением к письменному слову. Опыт сотрудничества исследователей и представителей местных сообществ с помощью аудиовизуальных медиа в Африке, Азии и Латинской Америке содержит потенциал поддержки общественных движений, защищающих образовательные, политические, экономические, территориальные, правовые, экологические и культурные интересы местных сообществ.

Таким образом, речь идет о возможности развития структурирующих и социально валидирующих практик, с помощью которых могут быть выражены альтернативные эпистемологии (в нашем случае – требования народности майя) и созданы совместные и интертекстуальные видеодокументы. Такие способы понимания реальности не должны рассматриваться как радикально отличные или несовместимые с гегемонными нормами. Напротив, проблема заключается в децентрализации доминирующих принципов валидации знания и признании тех социальных практик и жизненных миров, которые существуют на обочине доминирующих культур. ■

Адрес для связи: <carlosyflores@aol.com>
Перевод Елены Здравомысловой

> Анализ контекста кровавой эскалации израильско-палестинского конфликта

Лев Гринберг, Университет Бен-Гуриона в пустыне Негев (Израиль), Дартмутский Колледж (США)

“У войны нет победителей”. Фото: Зо Хадерех.

О тветом на резню израильских граждан (массовое убийство детей и стариков, изнасилования, увечья и сожжение тел), организованную ХАМАС 7 октября, стала общественная реакция, которую можно выразить следующим образом: «Довольно разговоров о контексте оккупации и осады Газы, забудьте о критических теориях колониализма и колониализме поселенцев».

Параллельное игнорирование контекста стало реакцией на бомбардировку и убийство израильскими военными тысяч палестинцев, включая женщин и детей, разрушение жилых кварталов и изгнание 1.9 миллионов палестинцев из их жилищ. Деконтекстуализация в этом случае выражалась в пренебрежении фактом массового убийства граждан, совершенным ХАМАС и Джихадом на юге Израиля, и даже утверждение, что его не было, несмотря на видеозаписи убийств камерами боевиков ХАМАС, которые должны были терроризировать израильтян в характерном для ИГИЛ стиле.

Наша моральная позиция предельно ясна: никакой контекст не может служить оправданием намеренного убийства гражданского населения; массовое убийство

граждан является военным преступлением. На мой взгляд, нет никакого противоречия между моральной установкой и политической. Теоретическое понятие [динамических политических пространств](#), которое я использую для анализа израильско-палестинского случая, позволяет анализировать политические возможности и насильственные действия, занимая четкую моральную и политическую позицию неприемлемости насилия.

Чтобы проанализировать массовое убийство, необходимо принимать во внимание контекст. Это необходимо как для осмысления динамики, результатом которой стал конкретный цикл насильственных действий, так и для попытки рассмотреть возможные сценарии дальнейших эскалаций. Ниже я кратко объясню, как религиозные фанатики, готовые вести тотальную войну до победного конца, стали господствовать на израильской и палестинской политических аренах. Готовность к тотальной войне до победы провозглашена как руководством ХАМАС, так и израильским правительством, и такая позиция является разрушительной для всего региона и обоих народов. В завершение статьи я обозначу перспективы возможного мирного завершения настоящей войны.

>>

> The theoretical context

Сравнивая 18 случаев массовых убийств на этнической почве, [Майкл Манн](#) показывает, что все они происходили, когда этническая группа ощущала угрозу своему существованию. Во всех ситуациях присутствовало три элемента: 1) наличие радикальной политической элиты; 2) наличие организованных групп боевиков (para-military groups) и 3) существенная социальная поддержка. При каких условиях две стороны вовлекаются в тотальную войну друг против друга? Во-первых, они должны верить в возможность победы и, во-вторых, они ожидают получить поддержку внешних международных сил.

Поселенческий колониализм сопровождался массовой гибелью людей, что особенно ярко иллюстрируется эпизодами взрыва насилия в США и Австралии. Однако израильско-палестинский конфликт гораздо сложнее и его неверно интерпретировать как простой случай поселенческого колониализма. В случае Израиля мы наблюдаем оба типа колониализма – поселенческий и «классический», который влечет за собой военное и экономическое господство. Этот конфликт приобрел также выраженный национальный характер, когда евреи, спасаясь от антисемитизма в Восточной Европе, стали строить национальное государство на своей древней родине, а местное палестинское население [стало сопротивляться своему перемещению](#) и подчинению. В последние годы в обоих национальных движениях стали доминировать религиозные фанатики.

Используя описанные выше аналитические инструменты, мы можем понять, как контекст наблюдаемого сегодня взрыва насилия, так и опасные тенденции эскалации после 7 октября. Сдерживание насилия и поиски политических решений не могут быть успешными, если будут игнорироваться сложности этого конкретного случая.

> Международный контекст

Для интерпретации стратегии обеих сторон конфликта необходимо обратить особое внимание на международный контекст. Можно с уверенностью утверждать, что с тех пор как Израиль 18 лет назад разместил свои военные части вокруг Газы, [США, ЕС и консервативные арабские режимы](#) толерантно относились к периодическим израильским бомбардировкам в ответ на нападения ХАМАС, считая их легитимными актами самозащиты и не обращая внимания на контекст осады и экономического сдерживания.

Авраамические мирные соглашения между арабскими государствами и Израилем, инициированные Дональдом Трампом, игнорирующие подчинение и угнетение палестинцев, являются релевантным контекстом для осмысления радикализации религиозных фанатиков Израиля и ХАМАС. Во-первых, игнорирование палестинского вопроса усилило экстремистские и экспансионистские тренды израильской политики, создавая [иллюзию](#), что блокада Газы может продолжаться вечно, как и экспансия поселений, вытесняющая палестинцев с Западного Берега. Во-вторых, в ответ на Авраамические соглашения ХА-

МАС заручился поддержкой Ирана, стремясь объединить палестинцев и встать во главе национального вооруженного сопротивления.

Эти процессы достигли своей кульминации во время резни 7 октября, предпринятой ХАМАС, и последующей силовой реакцией Израиля. Теперь стало ясно, что игнорирование палестинского вопроса и отчаянного положения Газы недопустимо. В условиях отсутствия у обоих участников конфликта легитимного политического руководства, способного достичь мирных решений, глобальный характер этого конфликта мог бы привести к более позитивному и сбалансированному международному вмешательству.

> Локальный контекст

Израильская система контроля палестинцев была реструктурирована в 2005 году и предполагала односторонний выход израильтян из Газы, что интерпретировалось как «стабильное напряжение», включающее спорадические столкновения (которые назывались «раундами»). Такая политика не вызывала никакого возмущения международного сообщества. Палестинцы были разделены на 4 политических сообщества, существующих в условиях разных режимов господства: израильские граждане, жители Иерусалима, и две самые большие группы, находящиеся под военным контролем – палестинцы, осажденной Газы, в которой правил ХАМАС и Палестинская Автономия ФАТХ, правящая в городах Западного Берега.

Обе палестинские политические элиты выполняют функции администрирования гражданского населения; они зависят от Израиля в экономическом смысле и от военных для поддержки своих движений. Между этими элитами существует два основных различия. С одной стороны, Палестинская Автономия продолжает придерживаться условий мирного соглашения, она сотрудничает с израильскими силами безопасности и продолжает дипломатические попытки возобновить мирные переговоры, постоянно теряя свою легитимность. С другой стороны, [ХАМАС сочетает](#) политические усилия и вооруженное сопротивление, от раунда к раунду совершенствуя свой военный потенциал и приобретая все большую популярность. Палестинские граждане были нейтрализованы и на Западном Берегу, и в Газе – в обоих районах, где доминировали авторитарные элиты прямо или косвенно поддержанные израильским режимом.

Что касается израильских граждан, то они также попали в ловушку консервативных политических элит, которые предпочитали систему контроля, основанную на принципе «разделяй и властвуй» и не стремились к мирному решению вопроса в будущем. Нетаньяху отдавал предпочтение ХАМАС, поскольку при каждом военном столкновении ему удавалось увеличить свою популярность у израильтян. Лишь одна политическая сила Израиля имела некое видение будущего: это мессианские фанатики, стремящиеся расширить свое господство и разрушить как Палестинскую Автономию на Западном Берегу, так и правление ХАМАС в Газе.

>>

В условиях отсутствия альтернативных политических сценариев обнажились основные различия [между военными силами, управляющими Западным Берегом](#). С одной стороны, элиты израильских сил безопасности старались продолжить кооперацию с властями ПА в целях контроля гражданского населения. С другой стороны, вооруженные мессианские фанатики - поселенцы постоянно старались вытеснить палестинцев с территорий и саботировали сотрудничество израильской армии и властей ПА.

Мы фиксируем паралич израильской политической системы, который проявился во время пяти следующих друг за другом выборов с 2019 по 2022 годы; наблюдается тупик взаимодействия между блоком Нетаньяху, кооперирующимся с фанатикам-экстремистами, и анти-Биби блоком, который в отсутствии альтернативного политического видения опирается на трайбалистскую враждебность в отношении Нетаньяху.

Формирование в декабре 2022 года экстремистской коалиции, антидемократическая легислатура и раздача министерских позиций наиболее экстремистским лидерам фанатиков-поселенцев - Смотричу и Бен Гвиру - привели к беспрецедентной гражданской мобилизации против правительства. Протестующие выступали в поддержку военных элит против фанатиков-поселенцев; ряд организованных резервистских подразделений заявили, что они откажутся служить в армии, если у власти будет находиться экстремистское правительство.

Почти все официальные представители сил безопасности, включая начальника штаба, Халеви, и министра безопасности, Галанта, предупреждали Нетаньяху, что внутреннее напряжение станет побудительной силой для атаки ХАМАС, но он игнорировал эти предупреждения. Ежедневно, начиная с 8 октября Нетаньяху напоминали о необходимости обратиться к решению внутривнутриполитического конфликта, на что он отвечал, что «политические вопросы» должны быть отставлены до окончания войны. Очевидно, что политически Нетаньяху не заинтересован в завершении войны, за которым последует создание комитета, расследующего его халатность; его политические партнеры также не заинтересо-

ваны в окончании войны, поскольку их цель заключается в вытеснении палестинцев и экспансии еврейских поселений на освободившиеся территории.

> Как мы можем остановить войну и выработать альтернативное мирное видение?

Вопрос заключается в том, как остановить войну, когда у власти в обоих лагерях находятся экстремисты, стремящиеся к тотальному поражению врага, а умеренные политические силы по обе стороны конфликта не имеют ни руководства, ни легитимности, ни альтернативного мирного сценария развития событий?

Для развития мирного сценария необходимо немедленно изменить парадигму международного отношения к израильско-палестинскому конфликту. Во-первых, необходимо прекращение огня и обмен пленными и заключенными. Во-вторых, необходимо достичь соглашения *Hudna* (мир, арабск.) и начать восстановление Газы. В-третьих, необходимо приступить к строительству доверительных отношений в дипломатии и политике, принимая во внимание национальные ожидания обеих сторон: необходимость палестинской независимости и необходимость обеспечить экзистенциальную безопасность в Израиле.

Я считаю, что моделью для международной интервенции должны быть мирные соглашения в Северной Англии, в разработке которых были посредниками британское и ирландское правительства. В нашем случае брокерами на переговорах должны выступить США, Египет и Саудовская Аравия, которые должны отбросить формулу двух государств и опираться на [модель разделения власти](#) (power-sharing). ■

Статья основана на докладе, прочитанном 29 ноября 2023 г. на одной из панельных конференций, посвященных израильско-палестинскому конфликту, организованной Технологическим Университетом Вирджинии; последняя авторская редакция текста произведена 17 января 2024 года.

Адрес для связи: <grinlev@gmail.com>
Перевод Елены Здравомысловой

> Странное возвращение государственного вмешательства

Паоло Жербаудо, Университет Комплутенсе в Мадриде, Испания

Рис.: Pixabay.

Одним из удивительных глобальных политических трендов конца 2010х – начала 2020х годов является возвращение государственного вмешательства в экономику. Хорошо это или плохо, однако после многих десятилетий превалирования неколебимой веры в то, что государство должно вмешиваться в экономику как можно меньше, мы наблюдаем новое признание необходимости проявления государственной власти в этой области.

Примеры этого тренда многообразны и, в некоторых случаях, они довольно подозрительны; и все же, удивительным образом, его импликации нельзя игнорировать. Если во время золотой эры неолиберализма существовал сильный консенсус о необходимости создания глобального свободного рынка, то, начиная с финансового кризиса 2008 года, многие страны установили новые тарифы и регуляторные барьеры. Несмотря на то, что долгое время все считали, что государство должно придерживаться политики невмешательства в экономику, мы видим, что в настоящее время государства открыто занимаются индустриальной политикой, особенно в определении экономических приоритетов страны, содействии технологическому совершенству, и контролю канализации капитала в стратегические сектора экономики. И, наконец, хотя в течение многих десятилетий политики постоянно сокращали объ-

ем публичных инвестиций, что повлекло за собой упадок многих сегментов инфраструктуры, в настоящее время существует новый широкий консенсус о необходимости усиливать публичные инвестиции, на что указывают инвестиционные планы НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ЕС или экономические программы байденомики, которые стремятся ускорить зеленый и цифровой переходы.

Каковы же последствия возврата к государственному интервенционизму, который описывается как нечто подобное «Новому вашингтонскому консенсусу» (по контрасту с неолиберальным «Вашингтонским консенсусом»)? Стоит ли рассматривать этот политический дискурс и соответствующие изменения политики как признаки более структурных и долгосрочных сдвигов в политике? Или это всего лишь тактический ход – временное изменение в рамках неолиберального консенсуса? До сих пор эти изменения рассматриваются (в основном, левыми и критическими политэкономами) как ограниченная корректировка основного духа неолиберального экономического направления, которое сохраняет свое фундаментальное значение.

Я, однако, полагаю, что эти тренды являются проявлениями глубокой трансформации современного капитализма и капиталистических демократий. Эти изменения

>>

демонстрируют, что двустороннее соглашение о государственной интервенции, которое господствовало в золотую эпоху глобализации, хотя бы частично вытесняется, и что в нынешнюю турбулентную эпоху широко распространяется представление о необходимости более сильного вмешательства государства. При этом – что крайне важно – это не означает, что такие изменения и возвращение государства обязательно являются позитивной трансформацией или чем-то подобным сдвигу в сторону социализма. Как мы увидим в дальнейшем, в большинстве случаев новые политики интервенции в экономику проводятся в интересах богатых и крупных корпораций.

Такая смена парадигмы влечет за собой некоторые социологические выводы, которые доминируют в политических дебатах последних десятилетий. Мы должны заново исследовать широко распространенные представления о том, что мы живем в обществе, где господствует «свободный рынок» с неограниченной конкуренцией и безличными рыночными механизмами, которые возобладали во всех сферах нашей жизни. Как показали недавние события, рынок является каким-угодно, но только не «свободным», поскольку в нем господствуют властные олигополии, которые часто опираются на поддержку политиков. Более того, само функционирование рыночных механизмов во многих отношениях стало специфической формой «государственной политики», направленной на достижение политических целей экономическими средствами. Сейчас, когда государственное вмешательство стало более очевидным, проявился более отчетливо политический характер этих механизмов, и фантазия «свободного рынка» получает все меньше поддержки. Эпистемический поворот, который влечет за собой возвращение интервенционизма, а именно, выявление политического характера экономических решений, мог бы иметь существенные последствия для политической мобилизации, сокращая возможности власть имущих утверждать, что они просто управляют локальными последствиями давления рынка.

> За пределами иллюзии «свободного рынка»

Неолиберальная эра, зародившаяся в 1980х гг., очевидно представляла себя как эпоха «маленького государства» и «свободных рынков»: эпоха, в которой, в значительной мере, ход общественной жизни определялся такими рыночными принципами, как экономическая конкуренция и ценообразование. Социологическое описание ухватило наиболее выразительный консенсус политической идеологии, в основе которой лежало прославление рынка и очернение государства. В период с 1980х до начала 2000х гг. по этому вопросу сформировался широкий консенсус, который поддерживали «ранние приверженцы неолиберализма» – от таких неоконсерваторов, как Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, до эпитонов и сторонников Третьего пути, таких как Билл Клинтон, Тони Блэр и Герхард Шредер.

Утверждая, вслед за многими комментаторами того времени, что как левоцентристские, так и правоцентристские, политики являются неолибералами, мы адекватно описываем положение дел. Значительные сегменты политического спектра, как левоцентристские, так и пра-

воцентристские, были убеждены, что в «новые времена» «конца истории» или в периоды «пост-политики» (постмодерна, пост-идеологии, пост-класса) государство как основной инструмент того, что более не существует, должно ретироваться. В то же время, свободное правление должно быть предоставлено «спонтанной» инициативе, приписанной «обществу» (или, лучше сказать, «гражданскому обществу», существующему за пределами государства) и рынку. Произвольная интервенция государства в экономические дела, унаследованная от фордистской эпохи с ее аппаратом планирования, государственной собственностью и разработанной системой социальной безопасности, рассматривалась как помеха развитию частной инициативы.

Все оказывается гораздо более сложным, если наблюдатель спускается с вершин идеологической башни вниз, на уровень повседневности, на уровень деталей реализации политики и экономических процессов. Наиболее выраженным следствием этого проекта является взрыв экономической глобализации. Государственное «невмешательство» и политика государства «laissez-faire» привели к снижению как торговых барьеров, так и контроля движения капиталов; наблюдался выраженный рост глобальной торговли и инвестиций. Но такую глобализацию трудно назвать спонтанной. В каждой стране ее разворачивание стало возможным благодаря политикам, принимающим соответствующие законы, приватизации предприятий, созданию зон свободной торговли и «консолидации» публичных финансов с целью «приспособления экономики к глобализации».

По мере того, как глобализация сталкивалась с несколькими последовательными кризисами (финансовым, климатическим и теперь – геополитическим) стало очевидно, что неолибералы не полностью отказались от государства, а скорее лишь избирательным образом противодействовали тому, что Пуланкас называл социальным и экономическим аппаратами государства, которые получили развитие во время правления социал-демократии и способствовали многим конкретным улучшениям условий жизни большинства граждан. Надо отметить, что в период неолиберализма существенно вырос репрессивный аппарат государства (армия, полиция, пенитенциарная система и проч.). Кроме того, наиболее известные эффекты того времени, например диктатура Пиночета в Чили, сочетающая неолиберальную экономику и убийство политических оппонентов, продемонстрировали рост «исправительного государства» (описанного социологом Лоиком Ваканом) и рост числа заключенных в таких странах, как США. Менее «социальное государство» стало по итогу более репрессивным государством.

Что касается экономической политики, то в этой области государству постоянно приписывалась вспомогательная роль. Государственная интервенция была жестко ограничена «регуляторными» целями, и любая активная политика государства в сфере экономики вызывала подозрение как опасная и «выбирающая победителей и инвесторов». И все же, как давно показывают теоретики государственного управления, даже так называемая «дерегуляция» представляет собой некую форму регули-

рования, которая имеет не только значимые экономические эффекты (коммодификация, создание олигополий и проч.), но и идеологические последствия – рост убежденности людей в том, что экономика не является сферой политики, а должна управляться чистыми рыночными силами. Школа Анналов экономической истории показывает, что, несмотря на то, что история всегда была насыщена «рынками», вряд ли в ней можно найти что-либо подобное «свободному рынку». [Поланьи утверждал](#), что рынок всегда встроен в общество. В периоды эксплицитной государственной интервенции в экономику возвращение видимой невооруженным взглядом руки рынка является сильным аргументом, разрушающим пагубный миф о «свободном рынке».

> Новое плановое государство и его политические импликации

Недавние кризисы привели к возвращению того, что подавлял неолиберализм: возвращению интервенционистского государства. Кризисы, последовавшие за финансовым кризисом 2008 года, показали, что правительства стали вести более активную политику, чем та, к которой мы привыкли. Одним из показательных примеров инвестиционных планов США и ВБ является существенный объем финансовых ресурсов, которые выделяет на них государство, а также само наименование - фреймирование их в качестве «планов». Повсюду мы видим планов громадьи – планы климатического перехода, солнечной энергии, цифровизации, планы развития исследования полупроводников и проч.

В свою очередь, эти планы опираются часто на различные «миссии», как их называет итальянская исследовательница Мариана Маццукато (Mariana Mazzucato), [развивающая теорию «государства-предпринимателя»](#). Этот тезис очевидно противоречит усвоенной подозрительности относительно всех видов планирования как причин поражения «командной экономики» и советской экономической модели. Особенно существенными на Западе являются инвестиции в микрочип-технологии. И США, и ЕС предпринимают усилия для производства местных микрочипов, которое до сих пор было сконцентрировано в Юго-Восточной Азии. Такие предпочтения непонятны с чисто рыночной или экономической точки зрения: микрочипы производятся на Тайване, поскольку это обходится там гораздо дешевле. Но выбор приоритетов для инвестиций соответствует другой логике: хотя он «анти-экономичен» в краткосрочной перспективе, он продиктован соображениями технологического превосходства, национальной безопасности и проч.

Возвращение к государственным инвестициям и проектам планирования оказывается очень значительным изменением, если рассматривать его с неолиберальных позиций. Как убедительно показал Михаль Калецки (Michał Kalecki), капиталисты возмущаются государственными инвестициями, поскольку считают, что все

инвестиции должны быть их монополией. Планирование и «планирующее государство» были традиционными объектами критики таких неолибералов, как Хайек и фон Мизес, которые считали любую форму планирования проявлением высокомерной претензии политиков на решение проблем, которые призван решать только рынок. Однако при неолиберализме планирование не было запрещено; просто [оно делегировалось, в основном, мультинациональным корпорациям, таким как Волмарт, а не государству](#). И тем не менее мы утверждаем, что возвращение «видимой руки» государства не обязательно является позитивным изменением.

Так, например, несмотря на то, что байденомика придает стратегическое значение государственным инвестициям, она не заключает контракты на проекты публичной сферы, оставляя такую деятельность в ведении частных фирм. Далее, в США, как и во многих других странах, ничего не слышно о требовании государственного контроля «командных высот» экономики, в отличие от того, как действовало поствоенное интервенционистское государство. Борьба за восстановление общественной собственности на стратегические фирмы все еще впереди (несмотря на то, что в таких странах, как Франция и Испания происходят частичные изменения в этом направлении). Более того, наблюдаемое сегодня возвращение государственной интервенции в экономику вызывает серьезное сопротивление, что видно на примере роста влияния либертарианского политика Хавьера Милей в Аргентине, сторонника сдерживания государственного вмешательства в экономику. И все же, снова и снова, такие политики, как Милей, то и дело изменяют своим четким обещаниям «разрушить государство», обнаруживая, что так называемый «свободный рынок» далек от спонтанности и всегда обращается к скрытой государственной интервенции. Как и в случае неолибералов, такие либертарианцы, как Милей, хотят не «разрушить государство», а делегитимизировать его использование в целях демократии.

Если и существует положительная сторона «неостатистской» ситуации, она заключается в понимании того, что «король - то голый». Государственное вовлечение в экономику теперь не окутано иллюзиями «свободного рынка», как было прежде, и решающая роль государства в структурировании экономики, сохранении или смягчении неравенства, видны каждому. Такой эпистемический поворот открывает прогрессивным силам новые рычаги давления и ставит новые цели мобилизации, помогая гражданам осознавать, что экономика не является естественным или спонтанным феноменом, а глубоко связана с политическими решениями. Разрушение фантазии о рыночном обществе создает условия переосмысления сущности современной демократической политики. ■

Адрес для связи: paolo.gerbaudo@ucm.es, Twitter: [@paologerbaudo](https://twitter.com/paologerbaudo)
Перевод Елены Здравомысловой

> Авторитаризм меритократии

Фабрисо Масиэль, Федеральный Университет Флуминенсе, Бразилия

Рис.: Freepik.

Меритократию всегда превозносили в современном мире как наилучшую систему морали, наиболее эффективную в решении вопросов неравенства. Ее защитники считают, что основные достоинства меритократии заключаются в том, чтобы открыть возможности для каждого члена общества подняться по социальной лестнице и разрушить таким образом барьеры, связанные с неравенством происхождения. В результате, единственное, что необходимо для выстраивания эгалитарного инклюзивного биографического сценария – это личное усилие в сочетании с возможностями, которые предоставляет меритократическое общество.

Эта презентация совершенно ошибочна. Теоретическое и эмпирическое исследование, которое мы с коллегами провели в течение последних лет в Бразилии, изучая управленцев различного уровня и различных секторов экономики на предприятиях Рио де Жанейро, убеждает в обратном. Меритократия не только является хрупкой и ошибочной в своих фундаментальных обещаниях социального восхождения, она является глубоко авторитарным явлением. Более того, ее авторитаризм является имплицитным и более невидимым, и эффективным, нежели эксплицитный авторитаризм сегодняшних крайне правых национальных правительств.

> Социальное происхождение, стиль жизни и политические позиции

Этот вывод был сформулирован в результате трехуровневого исследования, которое позволило нам проверить первоначальную гипотезу. На первом уровне мы изучали социальное, иными словами, классовое происхождение наших информантов. Выборка из ста управленцев (охваченных онлайн опросом и анкетированием в социальной сети LinkedIn) сразу же показала, что значительное большинство (более 90%) опрошенных по рождению принадлежат в бразильском высшему среднему классу. Таким образом мы выявили связь между привилегированным классовым происхождением и работой на крайне престижных позициях трудовой иерархии. Один этот факт оспаривает заявления о меритократии. Он показывает, что меритократия является, скорее, недемократической по своему характеру; произвольным образом своей имплицитной динамикой она воспроизводит привилегированные условия жизни среднего и высшего классов. Райт Миллс пришел к аналогичным выводам в своем [классическом исследовании элит в США](#), проведенном в 1950е гг.

На втором уровне наше исследование было посвящено стилю жизни бразильских управленцев. Мы изучали

их практики чтения и обнаружили среди наиболее популярных журналов этой аудитории - *Você S/A*, *Forbes Brasil* и *Exame*. Подписавшись на эти издания и изучая их в течение трех лет, мы обнаружили, что публикации этих медиа систематические конструируют и защищают то, что мы назвали «рыночной ментальностью», которая является глубоко меритократичной, консервативной и авторитарной. На глубинном уровне постоянное продвижение модели атомизированного индивида и личной свободы, помимо всего прочего, стимулирует развитие авторитарной личности. Это происходит потому, что прославляемая самоуверенность успешных игроков рынка, кристаллизованная в жизнеописаниях известных управленцев и предпринимателей, скрывает социальное происхождение и привилегированные траектории жизни этих людей, которым было доступно все, кроме заслуг, соответствующих тем престижным властным позициям, которые они занимают. Ничто не является более авторитарным; мы обнаружили тонкую и эффективную форму рыночного авторитаризма.

И, наконец, третья часть нашего исследования выявляла политические предпочтения наших информантов. Мы старались узнать, что думают успешные игроки рынка, осмысливая при этом связь их предпочтений и социальных позиций. На вопросы о центральных проблемах современного бразильского общества, таких как трудовые отношения, пенсионные реформы, причины неравенства и роль бизнеса в общественной жизни, подавляющее большинство респондентов представляло развернутый дискурс корпоративного мира. Этот дискурс представляет рынок как сферу всех добродетелей, а государство как злодея, ответственного за все социальные проблемы. Эта позиция представляет граждан как беспомощных жертв государства, у которых нет другого выбора, кроме обращения к Богу Рынка за помощью в удовлетворении своих жизненных потребностей.

> Авторитарная ментальность

Совершенно очевидна связь между этим «консервативным духом», как его назвал бы Райт Миллс, и нынешним сценарием возвращения и усиления крайне правых в глобальном масштабе. Как показало наше исследование, авторитарная ментальность (которая также является расистской) в сочетании с «корпоративным хабитусом», преобладающая у менеджеров высшего звена и предпринимателей, стали существенными факторами победы Жаира Болсонару на президентских выборах 2018 года. Поддержка болсонаризма, в более общем смысле, опиралась на интенсивную активность бразильского бизнес-общества и мощную финансовую поддержку. Отличной карикатурой на современный бразильский бизнес-класс является известный образ Лучано Ханга, президента корпорации Хаван и активного участника избирательной компании Болсонару, который часто появляется на публике вместе с Болсонару в своем зеленом костюме и желтом галстуке, ставшими его брендом.

Неудивительно, что в 2018 году, когда мы проводили анкетирование, наиболее популярной публичной фигурой наших информантов стал судья Серджио Моро, герой операции *Lava Jato*, ответственный за арест Луиса Игнасио

Лулы да Силвы, без которого Болсонару не был бы избран. Не вызывает удивления и тот факт, что Моро стал министром юстиции правительства Болсонару и одной из наиболее значимых фигур бразильских крайне правых. Это вызвано преобладающим карательным воображением бразильского общества, которое интенсифицируется в контексте социальных взрывов и роста неравенства.

Кроме того, ключевые фигуры бразильского и латиноамериканского бизнеса, такие как Марчело Одебрехт, всегда представляются как прекрасные руководители и достойные люди: как примеры настоящих профессионалов, которым надо следовать. Арест Марчело, бывшего президента семейной империи Одебрехт, по обвинению в одном из крупнейших коррупционных скандалов Латинской Америки, вызвал удивление и недоумение среди сотрудников его компании, разрушив его образ достойного семьянина. Этот известный случай - один из множества примеров, обнажающих черты бразильской бизнес-элиты.

Так, например, Хорхе Паулу Леманн, которого *Forbes Brasil* несколько раз назвал самым богатым человеком Бразилии, в нашем воображении всегда представлял достойным подражания воплощением успеха и честности. Недавние скандалы, в том числе потеря Леманном и его партнерами, Марселем Теллесом и Бето Сикипурой, компании *Lojas Americanas* и обвинение последних в одной из самых больших мошеннических схем современного капитализма, также ставят под сомнение эти образы безупречного успеха. В одном из [наших проектов](#) мы исследовали критические биографии некоторых бразильских бизнес-знаменитостей. Кроме фигур, упомянутых выше, мы анализировали траектории жизненного пути двух известнейших деятелей бразильской предпринимательской сцены - Эйке Батисты и Абилио Диниза. Общим для всех этих персонажей является то, что за их траекториями успеха, представленными в огромном количестве на обложках журналов, продвигающих рыночную идеологию, стоит в высшей степени привилегированное классовое происхождение, которым во многом и объясняется их «успех».

> Траектории привилегий и фикция меритократии

Наше исследование показывает, что бразильские управленцы высшего звена во многом отображают глобальную реальность, представляя мир, где абсолютная «меритократическая фикция» отрицает действительные причины неравенства. В целом, по контрасту с дискурсом инклюзивности, толерантности и устойчивого развития, поддержанного «новым капитализмом», на практике мы наблюдаем хищническое отношение к окружающей среде, не-инклюзивный и нетерпимый капитализм. Об этом свидетельствуют некоторые фасадные программы инклюзии для черного населения, которые мы обнаружили в ходе своего исследования, и преступления в отношении окружающей среды, подобные совершенным в Мариане и Брумадинхо. В этом отношении некоторые управленцы высшего звена должны будут нести ответ перед бразильским обществом. ■

Адрес для связи: macielfabricio@gmail.com
Перевод Елены Здравомысловой

> Судебно-медицинский колониализм

Марк Мунстерхельм, Виндзорский Университет, Канада

Критические мыслители, такие как Трой Дастер, Дуана Фулвайли и Эмейд Эмчарек утверждают, что классовые концепты пронизывают судебно-медицинские исследования, развитие этой отрасли экспертизы и ее применение. Развивая этот аргумент в своей новой книге *Forensic Colonialism: Genetics and the Capture of Indigenous Peoples* [Судебно-медицинский колониализм: генетика и захват коренных народов] (McGill-Queens 2023), я показываю, как влиятельные ученые, первоначально в США, а затем в ЕС и Китае, различным образом использовали коренные народы как ресурсы и целевые группы разработки таких новых технологий, как установление происхождения и анализ фенотипа (в данном случае речь идет об уйгурах в провинции Синьцзян). Коллективы ученых (сети), университеты, службы госбезопасности и частные компании, вовлеченные в эти процессы, организованы в основном общими нарративами о задачах более эффективного поиска преступников и террористов во имя благополучия народов и/или Человечества.

Центральный сюжет книги – это изучение проекта Кеннета Кидда (Kenneth Kidd) из Йельского Университета, который в течение тридцати лет использовал коренные народности западной Бразилии – каритиана, суруи и др. – в качестве того, что он неоднократно называл «ресурсами». В ответ на эффект поселенческой колонизации Бразилии, близкий геноциду, чтобы сохранить свою численность, эти народы выработали стратегию браков между родственниками; таким образом их представители находятся в генетическом родстве. Выборка была сформирована в 1987 г. довольно противоречивым образом. В начале 1990х во время «войны по поводу ДНК» ведущие генетики (Ричард Левонтин и Кеннет Кидд) страстно спорили о перспективах использования судебно-медицинских генетических тестов как свидетельств в судах США и Канады. В 1990 г. во время слушаний по делу о массовом убийстве в клубе Hells Angels [мотоклуб «Ангелы ада»] в штате Огайо защита получила доступ к данным Кеннета Кидда о представителях народностей каритианы и суруи. В то время адвокаты, работающие по этому случаю, и те, кто выступал по делу серийного убийцы в Канаде, старались использовать эти данные, чтобы посеять в судьях сомнения в позиции обвинения, которое связывало их подзащитных со сценой убийства на основании вероятности генетического случайного соответствия. Известные ученые выступали в судах, на конференциях, публиковали статьи в научных журналах и в медиа о важности данных, собранных о коренных народах каритиана и суруи и о том, что эти данные говорят о различии частотности генетических маркеров в группах населения Северной Америки, определяемых по расовым признакам.

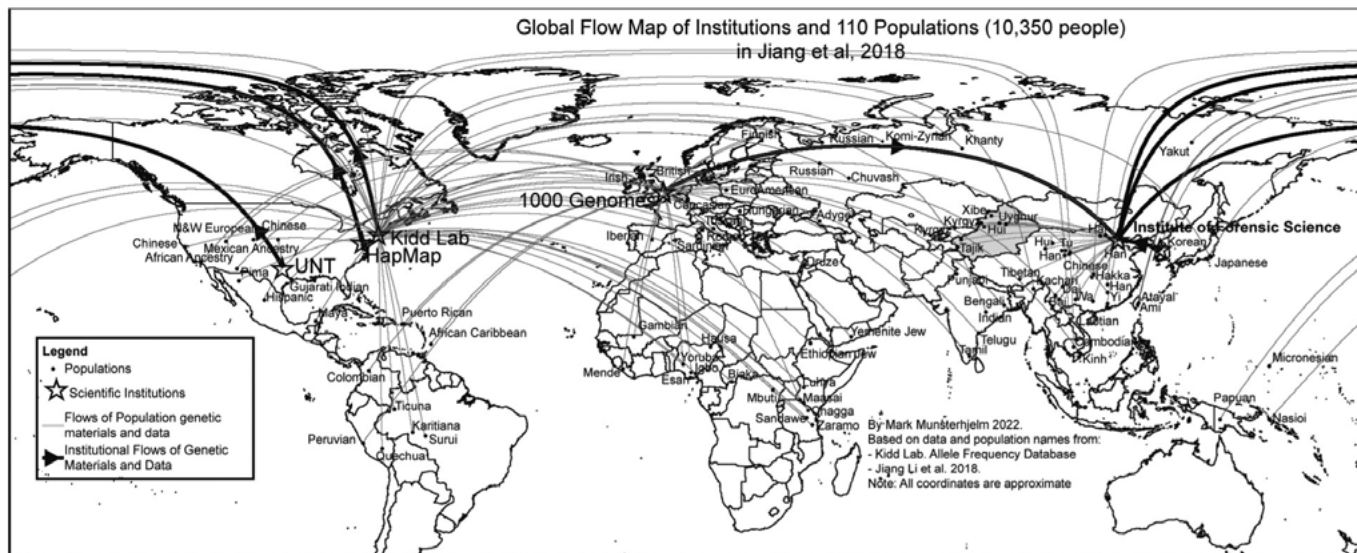
> Экспансия после 11.09

После трагедии 11 сентября быстрый рост расходов на безопасность в США, ЕС и Китае привел к развитию судебно-генетики, в том числе к развитию процедур установления происхождения и фенотипической экспертизы (по внешнему облику). До террористической атаки исследования происхождения и фенотипов оценивались противоречиво с моральной точки зрения, т.к. фокусировались на расовых характеристиках. В 2003-2004 гг., обсуждая проблемы идентификации жертв 11.09, Департамент Юстиции США (ДЮ) начал усиленно финансировать исследования «альтернативных генетических маркеров», т.е. фенотипа и происхождения. Лаборатория Кидда получила грант на изучение маркеров происхождения и индивидуального идентификатора однонуклеотидного полиморфизма размером \$8,5 млн. В отчете ДЮ о работе, начатой в 2001 г., Кидд и его сотрудники сообщили, что они использовали представителей коренных народов каритиана, суруи, мбути и насиоси как примеры генетических различий в целях обеспечения надежности и генерализации технологий экспертизы. Они пишут: «В свои исследования мы сознательно включили группы представителей нескольких малых изолированных и нецивилизованных популяций из различных регионов».

К 2015 году панели маркеров были включены в американские коммерческие судебно-медицинские системы генетического анализа. Эти коммерческие системы тестировались на представителях коренных народов. Так, например, Illumina FGx тестировалась в конце 1980х годов на представителях народности явапай, жителях Аризоны. Китайские службы безопасности тестировали систему Thermo Fisher Ion Torrent на уйгурах и представляли результаты тестирования на конференциях 2016 и 2017 гг., в условиях, когда китайское правительство усилило репрессивные действия в Синьцзяне.

После 11 сентября китайское правительство освоило риторику глобальной войны против терроризма и отбросило старые ярлыки, такие, например, как номинация противника в качестве «антиреволюционного». Проводя политику эскалации поселенческого колониализма в автономной уйгурской области Синьцзян, Китай начал представлять себя жертвой исламского терроризма. В ходе эскалации репрессий против уйгуров в начале 2010х гг. Институт судебно-медицинской экспертизы при министерстве общественной безопасности Китая сотрудничал с Кеннетом Киддом в разработке генетических панелей маркеров происхождения для того, чтобы определять различия между различными группами китайцев - ханьцами, тибетцами и уйгурами. Это сотрудничество позво-

>>

Вклад Лаборатории Кидда в 2266 образцов ДНК, представляющих 46 популяций сильно расширил масштаб исследований Института судебно-медицинской науки и позволил протестировать 27 маркеров происхождения, описанных в Jiang Li et al. (2018). Рис.: Мунстерхельм, 2022.

лило Кидду в 2015 году протестировать на китайских субъектах панель, состоящую из 55 маркеров происхождения. В ответ он предоставил образцы экстрактов ДНК, состоящих из клеточных цепочек Лаборатории Кидда, – общим числом 2266 образцов, представляющих сорок шесть популяций (включая каритиана и суруи). Эти материалы были использованы Институтом судебно-медицинской науки для развития собственных генетических маркеров происхождения. Примером является доклад Цзяна и др. (Jiang et al., 2018), об исследовании, в котором использовалось 10350 образцов, репрезентирующих 110 популяций, среди которых 957 уйгуров (колоссальный скос выборки). С начала 2010х гг. Институт судебно-медицинской науки получил восемь китайских патентов (и три приложения) на маркеры происхождения, некоторые из которых непосредственно нацелены на выявление уйгуров или тибетцев (напр. CN103146820B и CN107419017B).

Растущий интерес китайских органов безопасности к уйгурам нашел выражение также в совместном исследовании Института судебно-медицинской науки и Пекинского института геномики Китайской Академии Наук (партнера Института компьютерной биологии Общества Макса Планка в Шанхае), посвященном разработке технологии фенотипирования, ориентированной на выделение уйгуров в серии исследований, включающих сотни представителей этой этнической группы. Результаты этого проекта публиковались с 2017 по 2019 гг. В свою очередь, ученые Пекинского института геномики и партнерского Института компьютерной биологии сотрудничали с Консорциумом изучения видимых генетических характеристик (Visible Genetic Traits Consortium), который включал большие группы европейских (e.g. TwinsUK), австралийских и латиноамериканских субъектов изучения. [Статья Liu et al. \(2018\)](#) основана на изучении 29000 субъектов, включая около семисот уйгуров.

Описанные выше совместные исследовательские команды к настоящему времени частично распались. С 2017 года все слышнее становится международное осуждение

преступлений Китая против человечества, совершенные в Синьцзяне, включая массовое заключение в исправительных лагерях, репрессии по религиозным, культурным и языковым основаниям, массовую биометрию и генетическое профилирование. Это растущее осуждение стало серьезным препятствием на пути развития генетических исследований, когда они стали предметом международного освещения в отчетах Human Rights и медийных источниках. В 2019 году компания Термо Фишер объявила, что она прекращает продажу продуктов идентификации человека в Синьцзян. В 2020 г. в связи ростом напряжения в отношениях между США и Китаем Департамент торговли США наложил санкции на Институт судебной медицины; в ответ китайское правительство выступило с протестом против вмешательства США во внутренние дела страны и ослабления глобального сотрудничества в противодействии терроризму. В ответ некоторые западные и китайские исследователи генетической экспертизы отказались от проведения дальнейших исследований и дистанцировались от возможных обвинений по этому поводу.

Эти влиятельные научные коллективы, занимающиеся судебно-медицинской генетикой, в массовом порядке нарушали права, в том числе рутинным и незаконным образом вторично использовали семплы, взятые несколько десятилетий назад, что противоречит современным этическим нормам, нарушает права и суверенность коренных народов (напр., ст.31 Декларации ООН о правах коренных народов). Неудачи в попытках ограничить исследования уязвимых групп населения проявились в научном сотрудничестве китайских служб государственной безопасности и исследователей, изучающих уйгуров и другие народности провинции Синьцзян. В заключение отмечу, что судебно-медицинская генетика как сфера знания пронизана концептуальным аппаратом, построенным на расовых категориях, что нуждается в дальнейших исследованиях и общественном обсуждении.■

Адрес для связи: markmun@uwindsor.ca
Перевод Елены Здравомысловой

> Разнообразие и прозрачность

в работе структур ООН (и не только)

Витория Гонзалес, Платформа CIRÓ и помощник редактора *Глобального Диалога*, Бразилия

Монумент под названием "Закройте кран пластика" канадского художника и активиста Бенджамина фон Вонга стоит возле здания, где проходит Ассамблея ООН по окружающей среде в Найроби, Кения.
Рис.: UNEP/Сирил Вильман

Принцип разнообразия должен реализовываться на уровне руководящих позиций в публичной сфере как в области внутренней политики, так и в международных организациях, таких как ООН; он также должен находить выражение в частной сфере. Разнообразие опыта, подходов и биографий людей, занимающих посты в различных сегментах пространства принятия решений, приводит к более всесторонним и инклюзивным дискуссиям и политическим решениям. Это означает, что представительство меньшинств на руководящих позициях имеет существенное значение и является решающим элементом демократии. Представленность обеспечивает доступ в пространства принятия решений меньшинств, которые могут быть численно большими, но которые дискриминируются и замалчиваются; таким образом появляются возможности для циркуляции их идей и продвижения их интересов.

Связь между политическим представительством различных социальных групп и демократией важна потому, что политическая власть не является всего лишь символическим гарантом социальной легитимности. У нее есть также материальное измерение, поскольку она обеспечивает доступ к власти и ресурсам, воздействуя на общество вполне конкретным образом. Вот почему возможность быть избранным на высокую позицию и иметь эффективный доступ к ресурсам должна существовать у людей с различными социальными маркерами, и это напрямую связано с идеей социальной справедливости.

Когда международная политика руководствуется в основном решениями белых людей Глобального Севера, она склонна не только оставлять без внимания опыт и перспективу меньшинств,

но и универсализировать свои подходы. Именно поэтому большее разнообразие на руководящих позициях в таких организациях, как ООН, имеет не только символическое значение для демократии и справедливости, но является также техническим вопросом, в том смысле, что оно может улучшить результаты проводимой политики, обеспечивая современные глобальные дебаты и вызовы инновационными низовыми подходами.

Совершенствование системы представительства необходимо для решения наиболее существенных глобальных проблем современного мира и, особенно, Глобального Юга – проблем окружающей среды и развития. По сравнению с Глобальным Севером, страны Глобального Юга испытывают непропорционально большее воздействие климатических изменений и проблем, связанных с бедностью и неравенством. Уязвимость, нехватка ресурсов и зависимость от климатически чувствительных секторов экономики – вот несколько тем, которые особенно важны в этом контексте.

> Недостаточное представительство в системе ООН

В системе ООН наблюдается недостаточная представленность различных групп, что особенно очевидно на высших руководящих позициях; интерсекциональный подход показывает, что различные уровни недопредставленности накладываются друг на друга, создавая кумулятивный эффект. Особенно выражена недопредставленность женщин и представителей Глобального Юга. Эта проблема требует серьезного рассмотрения различными структурами ООН. В этом контексте нужно отметить, что размещение в пространстве общего доступа официальных данных и

информации об отборе кандидатов, назначений и деталей мандата не является простой задачей. Эта сложность препятствует общественному контролю и транспарентности, которые являются фундаментальными свойствами демократии.

В условиях такого информационного дефицита особенно значимым является недавнее [исследование](#), проведенное группой Women Leaders Voices for Change and Inclusion (GWL Voices) [Женщины-Лидеры за Изменения и Инклюзию (ЖЛИИ)]. Исследование показывает, что, начиная с 1945 года в тридцати трех международных организациях руководящие позиции занимали 47 женщин и 335 мужчин. В исследованных учреждениях в пяти структурах женщина находилась в руководстве только один раз, а в тринадцати организациях (включая генеральный секретариат ООН) женщины никогда не занимали руководящих позиций. В дополнение к количественному анализу, необходимо думать и в качественных категориях: так, например, женщины не должны назначаться исключительно на позиции, имеющие отношение к гендерной проблематике или темам, исторически связанным с их положением в обществе, таким как забота и детство.

Сходные данные касаются национального представительства. Так, например, [статья](#), опубликованная в PassBlue, показывает, что в пяти ключевых структурах ООН (Отдел политики и миростроительства, Отдел экономики и социальных вопросов, Отдел гуманитарной помощи, Отдел борьбы с терроризмом и Отдел миротворческих операций) высшие руководящие позиции занимают представители пяти стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Такое положение дел создает и углубляет монополию и усиливает различные властные дисбалансы.

Недавно опубликованный бюллетенем Blue Smoke [отчет](#) под заголовком *Unveiling Inequalities: A spotlight on senior appointment at key UN environment and development bodies* [Разоблачение неравенства: назначение на руководящие должности в ключевых органах ООН по вопросам окружающей среды и развития]¹, указывает на нехватку прозрачности и разнообразия в руководстве четырех структур ООН: в Программе Развития (UNDP), Программе по Вопросам Окружающей Среды (UNEP), в Продовольственной и Сельскохозяйственной Организации (FAO) и в Конвенции по Биологическому Разнообразию (CBD). В условиях климатического кризиса эти организации имеют важнейшее значение в решении проблем развития и окружающей среды. Поскольку население Глобального Юга диспропорционально страдает от климатических изменений (в особенности, женщины и девушки), необходимо задуматься о степени представленности региона и гендерных различий в этих структурах. Отчет также обращает внимание на тот факт, что в этих структурах женщины занимают только 20% руководящих позиций и в среднем 40% из них представляют страны Глобального Юга.

Начиная с 1966 года в руководстве UNDP было девять администраторов. Среди них была только одна женщина - из страны Глобального Юга. С 1972 года в UNEP было восемь исполнительных директоров: из них три женщины, две из них представляют Глобальный Юг. В FAO с 1945 года было 9 директоров и, хотя 5 из них были из стран Глобального Юга, среди них не было ни одной женщины. И, наконец, в CBD с 1993 года было семь управляющих делами (executive secretaries); из них шестеро из стран Глобального Юга и трое женщин. Таким образом дисбаланс постоянно воспроизводится, обнаруживая действие механизмов власти.

> Представительство: ключ подхода к проблемам нашего времени

Дисбаланс власти в представительстве и представленности требует постоянного внимания. Эта проблема касается не только приведенных выше четырех случаев и не только гендера и географического происхождения, но и таких социальных маркеров, как расовая и религиозная принадлежность. Таким образом, необходимо сделать эту проблему очевидной. Именно поэтому необходимо, чтобы процесс отбора кандидатов на высшие позиции (и любые должности) в руководстве ООН стал более прозрачным, справедливым и демократичным. Назначения на эти позиции должны опираться на критерии жизненного опыта и технической подготовленности кандидатов в большей мере, чем на их личные связи или политические являсы. Гарантии представительства особенно значимы для программ, связанных с климатическим кризисом; они позволяют более адекватно реагировать на проблематику окружающей среды и развития.

Для того, чтобы разработать глобальные механизмы, чувствительные к местным особенностям и способные удовлетворить потребности людей, проживающих на самых уязвимых территориях, необходимо, чтобы представители этих групп населения участвовали в принятии решений. Учитывая принцип разнообразия в руководстве, мы способствуем демократизации процессов принятия решений и содействуем росту эффективности программы действий в отношении климата. Развитие местного экологического знания и использование локальных технологий являются хорошими примерами в этом направлении. Другим примером являются гражданские проекты сбора данных, которые позволяют людям с разным опытом и мировоззрением оказывать влияние на дизайн исследований и социальных программ.

Внимание к прозрачности и демократичности назначений и ориентация на более равное представительство на руководящих позициях с учетом гендера, географического происхождения, расы, этничности и других социальных маркеров становится крайне важным, когда речь идет о демократизации глобальной публичной повестки, обеспечении легитимности, престижности и социального доверия к этим позициям, а также усилению влияния этих институтов в ООН и за ее пределами. Мы считаем, что речь идет не просто о демократии или символическом аспекте вопроса, но о справедливости и техническом совершенствовании работы ООН. Для ООН как организации, целями которой является миротворчество, защита прав человека, содействие устойчивому развитию и международное сотрудничество в контексте глобального климатического кризиса, эти вызовы являются императивами и на них нужно отвечать не риторически, а вполне практическим образом.

Необходимо подчеркнуть, что основные проблемы, которые в течение многих лет требуют решения, по-прежнему носят критический характер. Очевидно, что не все решения зависят от международных организаций или правительств, но надо учитывать, что они являются существенными акторами нашего мира. Возникает вопрос: как долго «мы, народы мира» будем сталкиваться с недостатками представительства в международных организациях? ■

1. Выражаю благодарность Джулии Хара Медейрос и Наифе Нихад за проведение этого исследования, на которое я писала рецензию, а также платформе Blue Smoke (в особенности, Plataforma CIPÓ) за предоставление информации, на основании которой написан этот текст.

Адрес для связи: <vitoria@plataformacipo.org>, Twitter: @vit_gonzalez
Перевод Елены Здравомысловой

